

Иван Державин

**АМОРИТ,
ЛЮБОВЬ МОЯ**

Возможное будущее России

Иван Державин
Аморит, любовь моя.
Возможное будущее России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798545

ISBN 9785447483999

Аннотация

На глазах Глеба инопланетянин увозит невесту Нину, а через год прилетает за ним самим. Нину с сыном Глеб видит в парке в клетке, куда посадили и его. Совершенно голые посетители парка открыто занимались совокуплением, так как на планете Аморит царило общество всеобщего удовольствия. Глеб принял активное участие в свержении власти прогнившей элиты и построении на Аморите общества социальной справедливости, а вернувшись домой, – с помощью аморитян, и в самой России.

Содержание

Часть первая. Аморит	5
Глава первая	5
Глава вторая	42
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Аморит, любовь моя
Возможное будущее России
Иван Державин

© Иван Державин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Аморит

Глава первая Похищение

Я сразу понял, что что-то не так.

Из аэропорта я поехал не домой, а прямо к Нине. Было два часа ночи, когда я на частнике добрался до ее дома за окружной дорогой, одним махом взлетел на второй этаж и нетерпеливо нажал на кнопку звонка. Стоя напротив глазка, чтобы Нина видела меня, я отчетливо представил, как она спронекает хватает будильник, потом ищет на ощупь тапочки и, зевая, подходит к двери. На ней полупрозрачная ночная рубашка, сквозь которое просвечивается юное тело.

Но прошла минута, вторая, а дверь не открывалась. Я позвонил еще раз, уже более настойчиво. И тот же результат. Ничего не понимая, я продолжал звонить и даже постучал в дверь. Но заскрипела дверь рядом, и пожилая соседка Августа Климовна, как всегда, в чепчике уставилась на меня. Забыв поздороваться, я спросил:

– Не знаете, Нина дома?

– Вроде никуда не отлучалась. Никто не звонил и дверью не хлопал.

И тут появилась Нина. Первое, что мне бросилось в глаза, у нее кто-то есть. Она была возбуждена и растеряна. —

– Можно? – спросил я, жадно и подозрительно оглядывая ее.

– О, Глеб, – проговорила она тоном, который я не разобрал, но особой радости в нем я не услышал. – Я так тебя ждала. Больше я тебя никуда не отпускаю.

В прихожей я поставил на пол коробку и снял с плеча сумку. Нина прижалась ко мне. Я весь горел желанием и впился в ее губы. Минуты две мы покачивались, как пьяные.

Ты, наверное, есть хочешь, – сказала Нина, освобождаясь из объятий. – Я сейчас приготовлю.

– Я хочу не есть, – сказал я, тяжело дыша. – Нас кормили в самолете. Я хочу тебя.

Я снял ботинки, пиджак и, взяв коробку, вошел в комнату. Тотчас вслед за мной появилась Нина. Я поймал ее взгляд на кровать и открытую балконную дверь. Опять внутри меня отвратной жабой шевельнулось подозрение. Захотелось заглянуть под кровать и выйти на балкон.

Я достал из коробки свадебное платье и протянул Нине.

– Не знаю, понравится тебе или нет. Мне очень понравилось.

Я не знаю, по каким признакам судьба подбирает в пару мужчину и женщину. Я был сражен Ниной улыбкой. Все остальное у нее тоже что надо: и грудь, и попка и ноги. Ну и лицо, конечно. Овальные лазуритовые глаза контрастно

смотрятся на фоне густых темных волос и взлет бровей. Идеальной формы носик и тонко вычерченные губки также запоминаются. У каждого есть свой идеал женщины. Мой идеал лишь на тридцатом году совпал с Ниной. Увидев ее впервые, я в ту же секунду подумал, что на этой девушке я бы женился. Я все время ждал этого мгновенья. А когда она улыбнулась, я уже знал, что нашел свою судьбу. От улыбавшейся Нины невозможно оторвать взгляд, и кажется, все отдашь, чтобы эта улыбка никогда не погасла. Не один я балдею от Ниной улыбки. Я не встречал мужчины, который не светлел лицом и не приосанивался, видя ее смеющейся.

И сейчас, развернув свадебное платье и примерив его на себя, Нина так мило мне улыбнулась, что я, забыв все подозрения, подбежал к ней и понес к кровати.

Это была наша третья ночь. Первые две были незадолго до моей командировки в Германию две недели назад. В отличие от большинства современных девушек Нина оказалась невинной. Это я с тайной надеждой заподозрил еще при нашей первой встрече. Однако, умудренный уже имевшимся кое-каким опытом, отбросил эту мысль, как абсолютно нереальную, да и был подготовлен сексуальной пропагандой к тому, что это вовсе не обязательно, хотя, если быть честным, я вовсе не жаждал, чтобы мою жену имели до меня вдоль и поперек.

А Нина даже целоваться не умела и вообще не была озабочена трахальным зудом. Это я сразу заметил. Вы бы виде-

ли, как она меня впервые поцеловала. До этого больше полгода целовал только я. Ну и спросил ее обиженным тоном, почему только я. Ты что, мол, меня не любишь? Она посерьезнела, долго на меня смотрела и велела закрыть глаза. Я закрыл, приоткрыл рот и... почувствовал легкое прикосновение ее губ к щеке. Я даже подумал, что она пошутила. А, открыв глаза и увидев ее взгляд, понял, что этот шаг был для нее очень важен. В этот момент я был уверен, что до меня она никого даже так не целовала, потому что никого еще не любила. А меня полюбила и призналась в этом.

Короче, на следующее свидание после того поцелуя я сделал ей предложение, но тоже своеобразно. Узнав, что через три месяца ей исполнится восемнадцать, что, кстати, оказалось для меня полной неожиданностью, так как я был уверен, что она старше, я ей сказал, что свадьба у нас будет в первую субботу после ее дня рождения. Она ничего не ответила. Было это в июне. А в июле я поинтересовался, когда у нее отпуск, намереваясь провести его вместе. Она сказала, что возьмет его с двадцатого сентября. Я удивился, почему в сентябре и именно с этой даты. Она сразу поникла и тихо спросила: «Ты забыл, что у нас в субботу восемнадцатого сентября?» Вот тут я ей и сказал, что слетаю в Германию и заберу ее к себе. Она притихла и как-то по-особенному прижалась ко мне. Как к родному. Я воспринял это по-своему и повел ее к ней домой, где еще не был. Она поняла, зачем, и не сопротивлялась. Но и не проявляла никакой актив-

ности, полностью доверившись мне. Я ее уложил на кровать и раздел. Обзовите меня, как и кем хотите, но вначале я оглядел ее придирчиво, как дорогой товар, а тут речь шла о будущей жене, дороже чего не придумаешь. Все меня в ней удовлетворило, имея в виду в первую очередь грудь и курчавый бугорок внизу живота, то, что я еще не видел. Не знаю, откуда это у меня, но мне больше нравится, когда волосы внизу темные. Про грудь я не говорю, тут разных мнений от мужиков я не слышал, – чем она больше, тем лучше, недаром женщины чего только ни придумывают, чтобы ее увеличить даже, если она в норме. У Нины она была как раз то, что мне нравилось: чуть больше нормы и крохотный сосок. А еще я не люблю тощих и длинных красавиц, которых со спины не отличишь от парней – плечи шире зада. Даже ущипнуть не за что. Костей у меня самого много. Не то, что у лежавшей передо мной Нины, от прелестей которой я не мог оторвать взгляда.

Но тогда я привел ее не для того, чтобы только любоваться ею. Для начала я... Но тут вот какое дело. Я отношусь к тем, кто не любит распространяться перед другими на эту тему, тем более с девушкой, которую выбрал в жены. Я считаю это сугубо моим личным делом. А то есть у нас в департаменте один такой любитель. Умом не блещет, но на женский взгляд жуть какой обаятельный и привлекательный. К тому же с каждой из них он ведет себя, как с самой краси-

вой и желанной. Не мудрено, что мало какая в департаменте устояла перед ним, не подозревая, что уже на следующее утро все мы знали, как она вела себя при этом. На каждую после этого мы невольно смотрели с учетом его красочных описаний: эта любит сверху, та – снизу, эта кричит, та сопит, эта берет, та – ни в какую, но откусить может. А про одну пожилую одинокую и скромную работницу, с которой мне часто приходилось сталкиваться по делам и которую я очень уважал, он сказал, что она брыкается, как лошадь. Вы не поверите, но после этого я стал шарахаться от нее. Ну и кому это нужно? А он – подонок, таких душить надо.

Поэтому смаковать свою первую ночь с Ниной я не буду, скажу лишь, что она дрожала, была скована и пассивна. Никакого впечатления от нее как от женщины я не испытал, хотя был наверху блаженства от самого факта обладания ею, к тому же первым. Кстати, частично и это было причиной моего неудовлетворения, возможно, и её тоже. Всякий раз, когда я входил и выходил из неё, она вся сжималась, и ее прелестное личико искажала гримаска боли. А мне было не очень приятно ощущать при этом довольно болезненное подобие упругого кольца. Недаром же в древности роль первопроходцев в таких случаях владельцы гаремов поручали маврам.

Но я не падишах какой, а Нина была моей будущей женой, и я был доволен, что сделал это сам. Упругое кольцо смягчилось быстро, зато нежно обволакивающую и ласкаю-

щую тысячью крохотных язычков уозость за ним я запомнил навсегда.

Но на этот раз Нина была великолепна. Она помогала мне с такой страстью, словно хотела, чтобы я весь утонул в ней. И была неистошима, требуя еще и еще. Хотя женщины, которые у меня были до нее, всегда оставались мною довольны, в эту ночь я заснул, сильно сомневаясь, что удовлетворил её.

Проснулся я оттого, что кто-то смотрел на меня. Я открыл глаза и никого не увидел в полутьме. Но чувство, что кто-то стоит рядом и сверлит меня взглядом, было настолько сильным, что я резко поднялся.

– Что случилось? – услышал я Нинин голос.

– Показалось, что в комнате кто-то есть.

– О, нет, – испугалась она. – Только не это. Закрой, пожалуйста, плотнее балконную дверь

Я встал и вышел на балкон. Светало. Над землей серым одеялом расстилался туман, сквозь который едва просвечивался свет от фонарей на столбах. Вдруг один из фонарей ярко вспыхнул и вместе со столбом, который почему-то светился весь, стал подниматься вверх и, пока я соображал, что бы это означало, он быстро превратился в светящуюся точку и исчез.

Я вернулся к Нине.

Мистика какая-то. Кажется, я видел НЛО, – сказал я, залезая под простыню.

Она что-то сказала. Я не понял, спросил:

– Ты что-то сказала?

– Нет, нет, ничего, я так.

Я стал переворачивать ее на спину. Неожиданно она оказала сопротивление.

– Не надо, Глеб, я не хочу.

Как я ни пытался, у меня ничего не вышло, она действительно не хотела меня.

Я ничего не мог понять и не только это ее нехотение. Между прежней и сегодняшней ночной Ниной была большая разница. Я уехал от нее расстроенный и в недоумении.

День пролетел, как минута – слишком много дел накопилось за время моего отсутствия. Я освободился поздно, и машина сама повезла меня к Нине.

Было около одиннадцати вечера, когда я подъехал к старому двухэтажному деревянному домику, одиноко стоявшему в лесу в двух километрах снаружи от кольцевой дороги. До социалистической революции в доме жили псары, обслуживавшие охотничьих собак какого-то графа. При советской власти собак заменили на свиней, а псарей – на работников свинофермы. После буржуазно-демократической революции свиней повырезали заодно с попытавшимися их защитить работниками, и дом захватили беженцы из других республик, среди которых были родители Нины, жившие

до этого в Крыму. Но и они здесь недолго прожили. Новая Россия, куда они прибежали, как к родной матери, встретила их вовсе не как мать. Она не только не приютила и не пригрела их, а даже не дала им свое гражданство, без которого они не могли устроиться на работу и наладить жизнь. Три года они бомжевали, пока не купили фальшивые паспорта, что позволило им осесть в этом заброшенном доме. А вскоре повезло и отцу. Он устроился дальнбойщиком, но через полгода на их фуру напали бандиты. Отец с напарником оказал им сопротивление, и их убили. Мать так сильно любила мужа, что у нее не выдержало сердце, когда забивали крышку гроба. Её похоронили рядом с ним. Я видел их квадратную могилу с деревянным крестом, сделанным соседом по дому. Он же и прикармливал оставшуюся абсолютно одну пятнадцатилетнюю Нину, пока она не устроилась в «Макдональдс» разносчицей. Но что больше всего меня поразило, так это то, что она закончила школу с отличием, как я. Но у меня было другое дело: еще была жива советская власть, и я был окружен родительской заботой.

Кроме одинокой Нины и упомянутой мной соседки из Прибалтики, откуда ее выжили после убийства мужа, выступавшего против отделения от Советского Союза, в доме на первом жил тот самый сердобольный сосед Николай Иванович с многодетной семьей. Они приехали из Казахстана.

Никаких удобств, за исключением света, в доме не было, и я был намерен, не дожидаясь свадьбы, забрать Нину к се-

бе уже сегодня, тем более что все ее вещи свободно могли уместиться в багажнике. Со своей тетей, в квартире которой я жил и был прописан, я договорился еще до командировки. Она не только не возражала, но очень обрадовалась. Своих детей у нее не было, и она сразу заговорила о внуках.

Но после вчерашнего поведения Нины я засомневался, что она согласится переехать к нам.

Наша встреча оказалась более чем странной и окончательно убедила меня в том, что в Нине произошли неприятные и непонятные для меня перемены.

Не скажу, что она не обрадовалась мне, но для поцелуя подставила не губы, а щеку, и не разрешила обнять себя. К свадебным делам не проявила ни малейшего интереса, словно речь шла не об ее собственной свадьбе, и отказалась наотрез переезжать ко мне.

Я был в отчаянии.

– Ты можешь объяснить, что произошло? Если ты раздумала выходить за меня замуж, то скажи об этом прямо. Я мужик, выжил в Чечне, переживу и это.

Она упорно молчала. В свете экрана телевизора ее лицо было бледным и неподвижным, как маска. И застывшие мертвые побелевшие глаза.

Так плохо, как сейчас, мне еще не было. В голове было пусто, как будто кто выкачал оттуда мозги мощным насосом. Во рту было сухо, и я постоянно облизывал сухим языком

губы.

Я встал со стула и присел на корточки перед Ниной. Взял ее за руки, приложил к своим щекам и, глядя на нее снизу, спросил голосом, который не узнал:

– Ты меня больше не любишь?

Её глаза наполнились слезами. Её пальцы шевельнулись и опять замерли.

– У тебя появился другой?

Пальцы вздрогнули и впились ногтями мне в щеку.

– Я прошу тебя, – прошептала она, – не надо об этом. Тебе лучше уйти.

– Кто он?

Она взглянула на меня и вдруг усмехнулась. Не улыбнулась, а усмехнулась, словно сравнила меня с ним, и сравнение было не в мою пользу.

Я резко поднялся.

– Я ухожу, и знай, навсегда.

Она молчала. Я ушел, хлопнув с силой дверью.

На улице я присел на скамейку перед домом и закурил. Легко сказать, ухожу, другое дело – это сделать, чтобы никогда больше не увидеть улыбку, от которой без ума. Я надеялся, что Нина выбежит за мной следом и позовет меня.

Но время шло, Нина не появлялась, и я понуро направился к машине. Мотор заурчал, я медленно тронулся с места. И вдруг упала тишина, машина, проехав еще метра два

без фар, остановилась. Напрасно я поворачивал ключ зажигания – ничего не включалось. Я вылез из машины и начал проверять соединения под капотом.

– Не работает?

Я выпрямился и поздоровался с подошедшим Николаем Ивановичем.

– Нормально завелась, и вдруг отключилось зажигание, – пожаловался я. – Аккумулятор новый, соединения в порядке. Ничего не понимаю.

Николай Иванович взглянул на часы.

– Без пяти двенадцать. Все ясно. Еще минут десять и спокойно поедешь дальше.

Я удивленно смотрел на него. Он рассказал загадочную историю.

– На прошлой неделе я работал во вторую смену. К дому я обычно подъезжаю около двенадцати на своей колыхаге. Первый раз – это было в этот вторник – машина остановилась в метрах ста отсюда. Ни с того, ни с чего. Вырубилось вдруг, как у тебя, зажигание. Ты знаешь, я сам собрал машину и знаю ее лучше своих пальцев. Проверил я, как и ты, все соединения, клеммы, все, как положено в таких случаях. Промучился минут десять и, когда уже не знал, что и подумать, машина завелась. И так все три дня. Хоть стой, хоть падай. Сколько ты уже здесь возишься?

– Тоже минут десять.

– Давай пробуй.

Я сел в машину, двигатель заработал с полуоборота.

– Езжай и ни о чем не думай, – сказал Николай Иванович. – Будешь много думать об этом – умом тронешься. Не шибко до кольцевой гони. Вдруг опять вырубится, и угодишь в дерево.

Не выключая двигателя, я вылез из машины, спросил:

– Вы что об этом сами думаете? Должно же быть объяснение.

Николай Иванович почесал затылок.

– Место здесь одиночное, дикое, сам видишь. Недаром, кроме нашего дома, больше нет никаких поселений. В старину, поговаривают, здесь и черти водились и домовые. А сейчас эти, как их, летающие тарелки объявились. Я сам не раз их видел, правда, они больше на сигару похожи. Стоят, как столб.

Я рассказал про улетевший столб, который видел с балкона.

– Во-во, – обрадовался Николай Иванович, – наверху вроде большого фонаря, а тело длинное и светится. Всё правда. Место ему, видать, наше подошло. Но хорошо, что от него большого вреда нам нет. А то, что наши машины глохнут, это не страшно.

Когда мы прощались, он сказал:

– После свадьбы сразу увози Нинку отсюда, от греха подальше. А лучше раньше.

– Я хотел ее сегодня забрать. Она отказалась.

– Отказалась? – Николай Иванович вынул окурок из мундштука. – Это у девок бывает. Может, обиделась на что.

– Не обижал я ее. Из командировки привез ей свадебное платье. Она стала какая-то странная. А сегодня про свадьбу даже говорить не захотела. К ней без меня никто не приходил?

– Никто. Мы бы видели. Насчет этого она чистая. Плохого о ней не думай. Мало ли что случилось. Может, на работе неприятности. А ты ее все-таки увези отсюда.

Я не знал, что ответить. Тоска опять сжала сердце. И не отпускала весь день. А ночью стало совсем мутно. Я вспоминал Нинину улыбку, а больше наши так разительно несхожие ночи: ее трепетность и неопытность в первые две и подозрительную ненасытность в последнюю.

Страшный сон приснился мне. Будто с двумя хорошо знакомыми финнами был я в гостях у давно умершего деда в деревне. Дед суетился, называл меня чадунюшкой и начал варить самогон. Финны ему помогали и облизывались от предвкушения напиться, как мы делали не раз. Говорят, русские много пьют. Но финны, я скажу, пью до усёру.

Когда в трубке появились первые капли, и по хате распространился пьянящий запах, дед попросил меня проверить крепость самогона. Я поднес зажигалку к трубке, на-

жал на рычажок, – и раздался взрыв. Мы взлетели в воздух. У деда были порваны штаны и рубаха, он плавно размахивал белыми восковыми руками, словно плыл брассом. Костюм Кетола не пострадал, он был в бабочке и кувыркался, как в невесомости. Похъявирта, напротив, был совершенно голый, лишь голова в скафандре, и гонялся за Кетолой. У меня была оторвана нога, она зудела, и я с трудом поспеивал за всей компанией. Мы приземлились в шведском поезде секса. На сцене совокуплялась пара. Дед отворачивался, хлопал себя по голым коленкам и говорил: «Срам какой. До чего докатились. А девка-то, девка-то. Вроде наша, а с кем совокупляется на людях. С негром, нехристом, прости господи». Негр скалил по – лошадиному зубы и работал, как плунжерный насос, сзади стоявшей на коленях девушки. Она извивалась всем телом, налезая на его блестящий антрацитовый член. Когда она откинула рукой спадавшие на лицо волосы, я с ужасом узнал в ней Нину.

– Не-ет! – заорал я страшным голосом и проснулся.

Сон оказал на меня отрезвляющее воздействие. Такая Нина недостойна моих переживаний, сказал я себе твердо. Я выброшу ее из своей головы, чего бы мне это ни стоило.

Это мне удалось. На работе некогда было думать о Нине, а вечером я поехал к тете в дом отдыха по путевке собеса. Вернувшись домой, я обнаружил в двери записку: «Глеб, милый, спаси меня! Я люблю тебя».

Я гнал, как сумасшедший, и молил бога, чтобы не встре-

тились гаишники. Для меня почему-то было очень важным поспеть к Нине до полуночи. Я влетел в подъезд без двадцати двенадцать. Нина ждала меня у двери. Через плечо у нее висела женская сумка, а у ног стоял маленький чемодан.

Она прильнула ко мне и заплакала. Я обнял ее за плечи и повел вниз. Мы сели в машину, и я рванул с места. Ночь была темная, без единой звездочки. В голове была одна мысль: добраться до окружной дороги, не свалившись в кювет. Я напрягал глаза, вглядываясь в извилистую, в рытвинах и ухабах, дорогу, петлявшую между деревьев.

Мотор заглох, и фары потухли разом метрах в семидесяти от окружной дороги.

– Бежим! – крикнул я Нине.

Она держалась за голову.

– Опять..начинается..как знала, – заговорила она. – Свяжи меня покрепче и уноси отсюда. Не обращай внимания, если я буду вырываться.

Я выскочил из машины, достал из багажника веревку и метнулся к Нине. Она шла мне навстречу, протягивая руки. Едва я их связал, как она спокойно сказала:

– Не надо, я передумала. Развяжи меня.

Я на секунду замешкался, а затем другим концом обмотал ей ноги у туфель. Не обращая внимания на ее протесты и сопротивление, я взвалил ее на спину и побежал к окружной.

– Стой! – раздался сзади меня голос.

Я словно споткнулся и едва не выронил вырывавшуюся-

ся Нину. Подхватив ее поудобнее, я обернулся, но никого не увидел. Как и не слышал приказавший мне стоять голос. Страх сковал меня с головы до ног. Я стиснул зубы и продолжал идти вперед.

– Я сказал, стой! Отпусти ее!

Откуда исходил голос, я знал, хотя он был беззвучный. И в то же время я его отчетливо слышал. Почувствовав опять страх, я разозлился и огрызнулся:

– Хер тебе. – Стиснув зубы, я рванулся вперед и... не сделал ни шага.

– Не жалко отдать? – спросил голос, как мне показалось, с насмешкой, в которой я уловил угрозу. – Смотри.

Мои руки сами разжались, и я судорожно стал ощупывать пах. Но радость оттого, что там все оказалось на месте, я не испытал, увидев, как Нина исчезла за спиной, откуда слышалось новое приказание:

– Стой на месте и не оборачивайся, пока мы не улетим.

Я стоял, как приклеенный, глядя беспомощно на толстый ствол дерева перед собой, повторяя лихорадочно, как в бреду: «Пока мы не улетим» с нажимом на «мы» и на «улетим».

– Плевать я на тебя, козел, хотел, – крикнул я, безуспешно пытаясь обернуться.

Мне показалось, что я услышал:

– Если доплюнешь. А просто козла я тебе прощаю.

Через какое-то время, показавшееся мне вечностью, я смог оторвать от земли ноги и поплелся к машине. Не дохо-

дя до нее, я увидел со стороны Нининого дома поднявшийся в небо знакомый мне светящийся столб. У меня хватило сил лишь заскрежетать зубами и выругаться. Столб давно исчез, а я все еще стоял, сжимая в бессилье кулаки.

Подъехав к Нининому дому, я глянул на ее окно. Света в нем не было. На всякий случай я поднялся на второй этаж и позвонил. Потом спустился вниз и постучал в дверь Николая Ивановича.

Мы присели с ним на скамейку, закурили. Я рассказал о происшедшем.

– Я тебя предупреждал, – сказал Николай Иванович. – Забрал бы ее давно отсюда и ничего этого не случилось бы.

– Я пытался, – повторил я уныло. – Она не хотела.

– Ясное дело, он ее околдовал. Одно меня утешает. Я слышал по телевизору, что оттуда возвращаются живы – здоровы. Будем и мы надеяться. – Николай Иванович повернулся ко мне. – А может, она уже дома, а? Пойдем – ка проверим. Я сейчас принесу инструмент.

Вернулся он с гвоздодером и топором. Дверь поддалась сразу.

Оглядывая пустую комнату, я чуть не заплакал.

– Надо бы сегодня заявить в милицию, – сказал Николай Иванович. – Для порядка. Она же на земле жила. Ты сделаешь или я?

– Чтобы объявили во вселенный розыск? – усмехнулся я горько. – Уже завтра тут будет орава из репортеров, корре-

спондентов, журналистов. Вам это надо? Я бы подождал хотя бы положенные в таких случаях три дня. Может, еще вернется или что прояснится.

– Хорошо бы он вернулся с Нинкой, а то, не дай бог, прилетит за другой. А моей Катьке скоро четырнадцать, может и на нее глаз положить. Уехать бы отсюда, а куда и на что?

– Вы тоже российское гражданство так и не получили? Так и живете по поддельным паспортам?

– Так и живем. А никто нами и не интересуется. Кому мы нужны? Дом ни за кем не числится, а счета присылают.

Я оставил Николаю Ивановичу номера своих телефонов и поехал домой.

Припарковав машину у подъезда и запирая ее, я увидел на полу Нинину сумку. Ее и чемодан с заднего сиденья я забрал с собой. В чемодане оказалось свадебное платье, семейный фотоальбом и три моих письма. Я просмотрел фотографии. На них была вся короткая жизнь Нининых родителей. Они воспитывались в детском доме, где и познакомились. Будучи одногодками, они учились в одном классе, поэтому некоторые фотографии были в двух экземплярах. На групповых фотографиях лишь в первом классе они стояли порознь, а на всех остальных – вместе. В десятом классе мать была похожа на Нину. Больше всего фотографий было в их студенческие годы, в том числе тоже двойных, так как поступили они в один педагогический институт. И распредели-

лись в одну и ту же школу в Крыму, где у них родилась Нина. После этого в альбоме были одни ее фотографии, оборвавшиеся в девяносто первом году, когда развалили Советский Союз. Дальше шли пустые листы с вырезами под фотографии, которых уже, видно, не будет.

Тяжко вздохнув, я открыл сумку. Помимо косметики, кошелька и ключей, в ней оказалась голубая школьная тетрадь с таблицей умножения на обороте. Тетрадь была исписана округлым Нининым почерком. Кое-где отдельные слова были зачеркнуты и заменены на другие.

Вот эти записи.

«У меня мало времени. Возможно, его нет совсем. Но я попытаюсь рассказать обо всем подробно. Я думаю, мой рассказ может вызвать интерес у астрономов, а может, и у наших политиков.

Но прежде я хотела бы сказать, что очень люблю Глеба, и совсем не виновата в том, что со мной происходит помимо моей воли. Прости меня, дорогой, если сможешь.

Вечером, – это было в конце июля, – спустя неделю после отъезда Глеба в командировку, я не находила себе места. Последнее время мы виделись почти ежедневно, и я уже не мыслила свою жизнь без него.

Я легла спать около одиннадцати и долго не могла уснуть, все вспоминала наши встречи и три ночи. Я чувствовала себя виноватой перед Глебом. Я видела, что он недоволен мной

как женщиной, потому что очень уж я походила на бревно. Наверное, я холодная от природы, во всяком случае, секс меня никогда не интересовал. До Глеба я даже ни с кем не целовалась и не любила это. Мне противно, когда кто-то совал свой слюнявый язык в мой рот. Меня абсолютно не трогали ребячьи уловки. Володьке Маркину, перепортившему половину девчонок нашего класса, я чуть не оторвала член, который он уверенно сунул мне в руку на новогодней вечеринке. Это у него такой способ завоевания девчонок, действовавший, кстати, нередко безотказно. Я ему там что-то повредила. Он даже в больнице лежал, после чего в нашей школе уже не появился – перешел в другую.

Лишь с Глебом я стала просыпаться. Я полюбила его с первого взгляда и могла отдаться ему раньше, если бы он захотел. Наверное, он ждал, когда я дозрею. Ждать ему пришлось долго, пока я не стала испытывать в себе перемены. Меня начали волновать его ласки, поцелуи, я хотела слушать, что он любит меня. А когда это произошло, я старалась, как могла. И все равно он остался недоволен.

А в ту ночь, когда я осталась одна, проводив Глеба в командировку, на меня что-то нашло. У меня даже закружилась голова, так я хотела, чтобы он был со мной. Я словно наяву представила, как он вошел в комнату и подошел ко мне. Он сдвинул одеяло и начал снимать с меня ночную рубашку. Движениями тела я помогала ему. Он еще не касался и не ласкал меня, а я уже вся трепетала от страсти, до сих пор

мне неведомой. Когда же он коснулся моей груди и начал целовать тело, я испытала такое наслаждение, которое не могу выразить словами. Когда он вошел в меня, правда, мне по-прежнему было немного больно, но это была похожая на обласканную дыханием боль, и я забыла все на свете: кто я, где я. Я хотела только одного: чтобы это никогда не кончалось. В какой-то момент я потеряла сознание, а когда очнулась, долго не могла понять, было это наяву или во сне.

Весь день я находилась под впечатлением ночи. Ходила, как в тумане, все валилось у меня из рук. Ловила себя на мысли, что блаженно улыбаюсь. Начальница понимающе улыбалась и отпустила меня раньше домой. Я села не в тот автобус.

Вечером я рано легла спать с надеждой, что это повторится.

Он пришел, когда от отчаяния его дожидаться, у меня опять закружилась голова. Он сел на кровать и положил руку на плечо. Я задрожала и, словно лизнув языком, провела пальцем по его руке. Кожа у него была гладкая, как атлас.

В эту ночь он был совсем другой. Я даже не могу вспомнить, что у нас было. Единственное, что осталось, это что-то воздушное, словно я все время парила в воздухе. Про наслаждение я уж не говорю: оно было божественным.

На работу я опоздала на час. Начальница сказала мне, что я могла не приезжать, и отпустила меня на три дня. Вернувшись домой, я легла и стала ждать его прихода.

На этот раз он был настоящим секс – мужчиной. Он вывернул меня наизнанку. Всю ночь я кричала от боли, которой хотелось еще больше и больше.

Днем я валялась пластом и зализывала раны. И опять ожидала ночь.

Он пришел, как всегда, в полночь, присел на кровать и сказал:

– Я люблю тебя.

– И я тебя, Глеб.

– Я не Глеб. Я с другой планеты.

Сначала до меня дошло, что у него нет голоса, иными словами, он говорил без звука. Как телепат. А когда дошел смысл сказанного, я страшно испугалась. Но не его, а оттого, что изменила Глебу. Господи, что же теперь со мной будет? У нас же скоро свадьба. Что я ему скажу?

Почувствовав прикосновение к плечу холодной руки, я резко скинула ее и сказала сердито:

– Я люблю Глеба.

Я решительно взглянула на него. В комнате было темно, но не настолько, чтобы ничего не видеть. Я отчетливо различала очертания стен, мебели, но его не увидела. Я протянула руку в то место, где он должен был сидеть, и коснулась его холодного и гладкого, как мрамор, локтя.

– Человек – невидимка, – проговорила я неожиданно для себя нежно.

– Это всего лишь для удобства пребывания здесь и без-

опасности. Мы тоже уязвимы.

– Вы похожи на людей?

– Теперь можно сказать, да.

– Теперь? А раньше, какими вы были?

– О, – засмеялся он. – Смешно говорить. Три глаза, три уха, встроенный в рот нос. Несуразно короткие руки и длинные ноги. Мы не ходили, а прыгали, как одно из ваших животных.

– Кенгуру. А сейчас, сколько у вас глаз, ушей, какие руки, как ходите?

– Сейчас мы такие, как вы. Долгое изучение нашими предками всех известных обитателей разных планет показало, что наиболее совершенной внешней формой интеллектуального существа является человек. Мы взяли его за основу при формировании нашего внешнего вида. Для этого с Земли были привезены несколько сот лучших особей разных национальностей, и путем скрещивания, клонирования и всех последних достижений в генетике и в деторождении мы добились полного изменения нашего внешнего вида, доведя его до совершенства. У нас нет ни уродов, ни умственно отсталых, как у вас.

– Хоть бы одним глазком взглянуть на такое чудо, – вырвалось у меня полушутя.

Он не ответил. И вдруг я почувствовала у себя в руке маленький плоский предмет, похожий на пятак.

Я поднесла пятак к глазу и на мгновение, как при вспышке

молнии, увидела его, сидевшего в полуоборот ко мне на кровати у моих ног.

Он действительно был красив. Я бы даже сказала, сказочно или божественно. У него были большие золотистые глаза, которые затмили все: нос, рот, уши. Волосы я не запомнила, возможно, он был лысый или в шапочке нейтрального цвета. Да, я забыла, на нем был оранжевый костюм, туго облегавший атлетически сложенную фигуру с широкими плечами и узкой, не толще моей, талией. Мне он показался маленького роста, намного ниже нашего мужского среднего. Даже ниже меня.

То, что я видела, меня слегка успокоило, как-никак он не был чудовищем или монстром.

– Ты первая из землян, увидевшая нас, – сказал он. – С тобой я преступил все запреты.

– Почему?

– Потому что я полюбил тебя.

Вот тут меня охватил страх. Я поняла, что пропала.

– Я люблю Глеба, – повторила я обреченно. – У нас скоро свадьба.

– Я знаю.

– То, что вы со мной делаете, это насилие. Я слышала, что пришельцы из космоса цивилизованнее и гуманнее нас.

– Да, это так. Но с нами не так все просто. Мы принуждены к этому.

Я вопросительно подняла брови.

– Хорошо, я расскажу тебе, хотя это нам не рекомендовано. Но раз уж ты выбрана мной, ты должна знать. Все равно узнаешь. Наша планета Аморит, о существовании которой вы не имеете представления, намного старше и меньше Земли. Она даже меньше вашей луны. Эволюция развития адаптировала нас к условиям, существующим на других планетах. Это дало нам возможность перенять лучшее, что, на наш взгляд, было достигнуто другими разумными существами. В результате мы построили общество, которое смело можно было бы назвать идеальным. У нас оно называется обществом всеобщего удовольствия. Аморитяне имеют все, что пожелают. Даже срок жизни нам удалось продлить в несколько раз. Но тут неожиданно сработал закон противоположности, а скорее, подлости. Высокий уровень технического прогресса, полное удовлетворение всех жизненных потребностей привели к тому, что аморитяне начали быстро деградировать. Сейчас у нас активно работают с пользой для общества лишь десять процентов. Остальные, не считая пенсионеров и детей, бесятся с жиру и занимаются – Он назвал неприличное слово, написать которое я не могу. Увидев на моем лице возмущение и удивление, он сказал извиняющимся тоном. – Ах, да, я совсем забыл, что у вас это мат. Но я, честно, не знаю, как назвать то, чем занимается наша элита. Слова заниматься любовью и даже секс тут явно не подходят. Про любовь у нас давно забыли. Вместо «я люблю тебя» у нас говорят «я хочу тебя...». – Он опять руг-

нулся. – Фу ты, извини, пожалуйста. У нас все, что связано с этим делом, не считается матом. А так как другого мата у нас нет, то он официально разрешен. Но это и хорошо, нет лицемерия. У вас же происходит почти то же самое, поэтому очень попахивает лицемерием, хотя суть одна. У нас тоже чересчур интеллигентные аморитяне вместо этого слова употребляют совокупление или случку, имея в виду собачью, что является для аморитян большим оскорблением.

Я сердито перебила его:

– Значит, вы это имели в виду то, что произнесли, когда говорили, что полюбили меня?

Он возразил с горячностью:

– Нет, я даже в мыслях не имел это, когда произносил слова. Они сами у меня выскочили. Я действительно тебя любил.

– Оставим это. Рассказывайте дальше.

– Так вот, занимаясь этим делом, наша элита весь свой ум тратит на придумывание новых все более изощренных способов и вариантов удовлетворения своей похоти. Женщины в своем стремлении быть привлекательными и похожими на известных кинозвезд добились лишь того, что теперь их невозможно отличить одну от другой. У всех идеальные фигуры, шаровидные груди и зады, в пол-лица всех цветов радуги глаза. А мужчины отращивают или увеличивают... – он замялся, подыскивая слово, – пусть будет член. – Это слово у нас также не в ходу. Такого, как ваше на три бук-

вы, у нас, к сожалению, нет, и мы употребляем, кто во что горазд, чаще всего слово, близкое к вашей елде.

– Разве у нас есть такое? – удивилась я. – Я никогда не слышала.

Он засмеялся.

– Значит, у тебя были только культурные парни, не озабоченные е.. э... случкой. А у наших парней на уме только она и, как поскорее удлинить свой член до полметра.

– Какой же у них рост? – не смогла я сдержать удивление. – Метров пять?

– Рост у нас ограничен законом. У мужчин он, по вашим меркам, даже чуть меньше метра пятидесяти.

Я представила коротышку с таким членом. Урод какой-то.

– У тебя он тоже такой?

– Рост?

– Рост я видела. – Я смутилась, не зная, как сказать.

Он улыбнулся.

– Нет, у меня он нормальный.

Вспомнив, как он доставал почти до горла, я засомневалась в искренности его слов. Он словно прочитал мои мысли.

– То, что тебе показалось, это один из используемых нами способов доставлять вам как можно больше удовольствия. Мы можем менять форму ...э... члена, приспособивая его к вашему размеру. У тебя он очень маленький, поэтому мне тебе легко было доставить удовольствие. Тебе ведь понравилось? Не красней. Знаю, что понравилось, и ты увязала это

с длиной моего члена. Вот и аморитянки тоже уверены, что чем он будет длиннее, тем они получают больше удовольствия. Мужики, зная это, стараются перещеголять друг друга, тем более что проблем с деньгами на увеличение члена у них нет. А те, кто этому не следует, считается не модным.

– Почему вы не отрастили? Нет денег?

– Не в них дело. Я также принадлежу к элите. Но она не вся одинаковая. Я отношусь к той ее части, которая еще не до конца деградировала и задумывается о смысле жизни. Но с каждым годом нас становится все меньше и меньше, потому что в результате удлинения срока жизни основную массу населения составляют старики и старухи, а ограниченность годного для жизни пространства на Аморите вынудила нас снизить рождаемость до предела. В результате возник антагонизм между нами, молодыми, и стариками, тем более что между нами уже практически нет родственных связей из-за распада семьи.

– У вас нет семей? – спросила я, стараясь запомнить каждое слово. Я интуитивно полагала, что рассказываемое им для кого-нибудь может оказаться интересным.

– К распаду семьи привел этот самый разгул свободной любви.

– Это, когда муж и жена открыто изменяют друг другу?

– То, а чем ты говоришь, безобидное начало. Разгул свободной любви, а точнее разврата, начинается, когда исчезает само понятие необходимости супружества. Все затмевает

животная страсть: я хочу тебя. А чтобы и ты захотел или захотела меня, я должен или должна показать свои мужские достоинства и женские прелести. Отсюда мода на одежду, основным назначением которой является то, что она ничего не прикрывает, а лишь выпячивает эрогенные части тела. Где уж тут до детей, требующих время на беременность и воспитание, тем более что все эти обязанности и заботы прилежно могут выполнять роботы.

– Но не рожают же роботы? – возразила я.

– Очень даже хорошо рожают. Даже имитируют родовые муки. У них внутри вмонтирована полная копия женского организма, в котором с успехом может развиваться зародыш. В обязанности так называемых родителей или участников осеменения входит не забыть придти через девять месяцев на роды и подержать в руках свое чадо. А если кто забудет, что бывает чаще, то не беда, на это есть роботы-няни. Некоторые родители видят своих детей спустя несколько месяцев, а то и лет после рождения. Затем и эта необременительная родительская обязанность постепенно отпала. Сейчас почти все наши дети рождаются роботами от анонимных родителей по демографическому плану. А так как этих детопроизводителей подбирают из наиболее выдающихся ученых, писателей, художников, кинозвезд, то и дети по закону генетики получились, надо сказать, толковыми. Я тоже из этой плеяды. Свою мать, я, правда, знаю и даже виделся с ней в детстве, а про отца лишь слышал, что он был или еще есть известный

ученый. От него мне перешло то, что с детства я интересовался мироустройством и смыслом жизни. Меня все больше стало не устраивать виденное вокруг. Таких недовольных существующим строем вокруг меня набралось несколько сот аморитян. Живем мы отдельно на небольшом острове. Наша мечта: начать новое поколение аморитян, у которых был бы естественный смысл жизни. Мы хотим возродить целомудренную любовь и крепкие счастливые семьи с кучей детей, как когда-то у нас уже было. Сделать это на Аморите, переполненном стариками, как небо в ясную ночь, мы не в состоянии. Но главное, нам не позволит это сделать праздная элита, которая правит Аморитом. Мы долго искали место нашего нового поселения и совсем недавно обнаружили маленькую, меньше даже Аморита, уютную планету с чудесной солнечной атмосферой.

– А здесь вы зачем?

– Видишь ли, среди нас, молодых, случайно или нет, не знаю, но больше представителей мужского пола. Девушек у нас меньше, к тому же они похожи друг на друга, как сестры-близнецы. Конечно, мы их с собой возьмем, но мы хотели бы вернуть облику наших детей первоначальные многообразие и индивидуальность, как у вас, землян. Чтобы они не были все под одну гребенку, а были высокие и низкорослые, тонкие и полные, блондины и брюнеты, бледные и смуглые, курносые и горбоносые, умные и в меру глуповатые, трудолюбивые и слегка ленивые. Но, конечно, у нас не будет

уродов и дураков. Добиться такого многообразия со своими девушками – близнецами мы не сможем или нам потребуются на это несколько сот лет. Думали мы, думали и решили опять взять с собой девушек с Земли и только русских.

Его последние слова меня убили окончательно. Мной овладела жуткая апатия, я поняла, что это конец, равносильный смерти.

– И вы выбрали меня? – глухим голосом спросила я. От сущности во рту я отчаянно делала глотательные движения.

– Да, для первого опыта.

– Много вас здесь?

– Пока я один. Я как бы разведчик.

– И я оказалась подопытным кроликом из наших девушек.

Почему именно я?

Я слышала свой голос и удивлялась, что еще могла говорить и соображать.

– Я понял смысл слов «подопытный кролик» и лгать не буду. В определенном смысле да, это так. Ты выбрана мной как женский идеал землянок и твоя кандидатура согласована с Комитетом молодых. На его мнение не повлияло даже то, что за это время ты успела потерять девственность. От результатов моих встреч с тобой зависит многое.

– Ну и как, ваш опыт со мной удался?

– Сказать да, значит, ничего не сказать. Он превзошел все мои ожидания. Во-первых, я влюбился. У нас уже давно забыли, что это такое. Во-вторых, близость с тобой не идет ни

в какое сравнение с близостью с нашими женщинами, для которых это дело давно превратилось в еду, если не сказать, в обжорство. Их женский половой орган, превратившийся в овощную терку от частых контактов, недаром его у нас называют лоханкой, не способен доставить нам и сотой доли удовольствия, которое мы будем получать от вас. Я не по-эт, могу лишь сказать, что наслаждение, полученное с тобой, не сравнимо ни с чем.

– Возьмите другую девушку, я вас умоляю. У нас много проституток, которые дадут вам наслаждения в тысячу раз больше, чем я.

– Все наши женщины – проститутки. Нам нужны такие, как ты, чистые, целомудренные.

– Но я люблю Глеба! – выкрикнула я в отчаянии.

– Я знаю, и это самая большая проблема для меня.

– Но вы ничего не сделаете ему плохого?

– Это исключено. В крайнем случае, я заставлю его разлюбить тебя.

– Каким образом?

– При помощи гипноза. Этим искусством мы владеем в совершенстве.

– Вы применили это искусство на мне?

– Да. У меня не было другого выбора.

Я подождала, не добавит ли он что-либо, но он молчал.

– Это насилие, – твердо сказала я. – Нет, это преступление. Самое страшное из всех на земле: заставлять челове-

ка делать что-либо помимо его воли, превращать его в послушного раба. Вы начали совершенствовать себя с преступления – выкрали наших людей. Вы о них подумали? У нас только фашизм был способен на это. Ваш прогресс – бесчеловечный, не гуманный. Вы хуже фашистов, если покушаетесь даже на чувства.

Он молчал. Я уже подумала, не исчез ли он. Однако на всякий случай, продолжала говорить.

– Вы хотите очеловечить свое общество, наделить аморитян нашими качествами и опять начинаете с преступления, выкрадывая наших девушек. Вы можете внушить мне животную страсть, сделать меня сексуальной рабыней, но заставить меня любить вас вы не сможете. Я люблю и буду любить только Глеба.

Я заплакала сначала беззвучно, затем, не сдерживая себя.

– Ты плачешь? – спросил он.

– Прикажете мне радоваться? – огрызнулась я.

– Перестань, а то мое сердце бьется не спокойно. У нас это не принято.

– Мне наплевать на твое сердце! – закричала я. – Бьется оно у него не спокойно! Я буду рада, если оно вообще остановится или лопнет. Проваливай отсюда на свой развратный Аморит, будь он проклят и ты вместе с ним! Тебе нечего здесь делать! Фашист несчастный!

Я вскочила с кровати и швырнула в него подушку. У меня настолько сильно закружилась голова, что я буквально упа-

ла на кровать. Мне стало жаль аморитянина, на кого я так грубо накричала. Я придвинулась к нему и положила голову на плечо. Он обнял меня и начал гладить волосы, как это делала моя мама. Я почувствовала, что засыпаю.

Проснувшись я с мыслью о нем: прилетит ли сегодня? Я буду ждать его и сегодня и завтра и всю жизнь.

Он появился, как обычно в полночь и был молчалив. Просто сидел рядом и, вероятно, смотрел на меня, ведь он видел в темноте. А я ждала, когда он коснется меня.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Язо.

– Язо – повторила я. – Красивое имя. А меня Нина.

– Я знаю.

И в этот момент позвонил в дверь Глеб. Я заметалась, не зная, что делать. Язо молчал. Подбежав к двери и увидев в глазок Глеба, я испуганно прошептала:

– Это Глеб.

Язо продолжал молчать. Черт бы его побрал, разозлилась я. Мои мысли читает, а о чем сам думает, попробуй угадать.

– Ты что, не слышишь? Уходи.

Я подбежала к той части кровати, на которой должен был сидеть Язо, чтобы прогнать его, но мои руки встретили пустоту. Слава богу, обрадовалась я, ушел. Но я услышала:

– Я здесь и останусь. Уйдет он. Я не хочу, чтобы ты была с ним.

– Кто ты такой, чтобы это хотеть? – зашипела я. – Глеб –

мой жених, и я соскучилась по нему. Я хочу быть с ним, а не с тобой. Это ты здесь никто. Ворвался, как бандит, и еще командуешь. Запомни, у тебя ничего со мной не выйдет. Я лучше умру, а с тобой не полечу. Уходи сейчас же! И не вздумай что-либо сделать Глебу.

– Хорошо, я уйду, – сказал Язо, как мне показалось, сердито. – А ты оставайся с ним, если так хочешь. Я предоставлю тебе такую возможность, чего бы это мне ни стоило. Но запомни, у вас уже ничего не получится, потому что ты теперь не та, какой была до его отъезда. Отныне ты женщина, испытавшая любовь аморитянина, и будешь находиться во власти желания до конца дней своих. Но ни один землянин не сможет удовлетворить тебя. Не сможет сделать это и твой жених. Ты сейчас убедишься в этом. Уже сегодня ты будешь ожидать моего возвращения, но вернусь я или нет, я не знаю. Я прилетел за тобой. Ты сорвала наши планы. Мне трудно будет убедить Комитет не отклонять твою кандидатуру.

– Язо, родненький, – упала я на колени. – Я тебя умоляю, не убеждай никого. Не прилетай за мной. Я не хочу. Слышишь, он опять звонит? Уходи, бога ради. Уходи, я тебя прошу.

– Прощай.

Чтобы доказать, что ушел, Язо скрипнул балконной дверью, а я побежала ко входной и открыла ее.

Многое из дальнейшего Глебу известно. Я так старалась,

чтобы ему было хорошо. Я видела, как он был удивлен происшедшей со мной переменой и заподозрил, что у меня кто-то завелся. Но я в этом не виновата, клянусь богом. Я люблю только его и хочу только его. И не моя вина в том, что я позже была холодна с ним и даже прогнала его на следующий день, а сама продолжала с нетерпением ожидать Язо. Теперь-то я знаю, что все это я делала, будучи под воздействием гипноза. Поняла я это сегодня утром, когда почувствовала себя словно выздоровевшей после тяжелой болезни. Я вспомнила о свадьбе, до которой осталось двенадцать дней, и стала лихорадочно собираться к Глебу. Одновременно возникла мысль написать о происшедшем со мной, чтобы предупредить девушек о грозящей им опасности.

На работу Глебу я не дозвонилась и оставила ему в двери записку, чтобы он приехал и забрал меня.

Убегать куда-либо бесполезно – Язо отыщет меня везде, если вернется.

Поэтому я пишу и жду Глеба. Молю бога, чтобы все обошлось.

Господи, чем я перед тобой провинилась? Умоляю, спаси меня сам или помоги Глебу это сделать».

– Ну и что ты от меня хочешь? – спросил меня начальник отделения милиции. – Чтобы мы объявили ее во всероссийский розыск? Не смейся. Да и к нашему отделению ее дом не относится. Он вообще нигде не числится, он, так сказать, бесхозный. И, следовательно, Нина твоя на земле не человек.

Глава вторая

Прилет на Аморит

Со дня похищения инопланетянином Нины прошел год. За это время боль от потери любимой у меня поутихла, чему способствовали частые командировки с напряженной работой и интересным досугом. Но стоило мне вернуться домой, как первым делом я ехал к Нининому дому и справлялся у соседей, нет ли о ней вестей, и затем периодически навещал их в связи с отсутствием у них телефона. Мое не радужное настроение усугублялось появлением у меня после похищения Нины мужского бессилия. Четыре месяца я вообще не смотрел ни на одну девушку, лишь на Новый Год напился в сиську и тогда это самое и обнаружил. Кари Кетолоа, узнав об этом, познакомил меня в Финляндии с красавицей Синикой, но, к моему позору, и с ней у меня ничего не вышло. Наверняка предупрежденная Кетолой о постигшей меня беде, Синика испробовала все способы и ухищрения, но мой брат так и не проснулся. Видно, и он никак не мог забыть Нинину узенькую щелочку. К врачу я не пошел, так как при одной лишь мысли о Нине, я весь наливался, как и прежде, желанием и плотской силой.

Вдруг я стал видеть ее во сне. Снилось она мне и раньше, но на этот раз сны были оттуда. Обычно я сны забывал, а эти помнил, как наяву. В них Нина была не одна, а с моим сы-

ном, очень похожим на меня. Сама она стала еще красивее и все время спрашивала, когда я приеду за ними и заберу их оттуда. Ситуация там резко поменялась, и ее с сыном держат в клетке, как зверей в зоопарке.

Я совсем потерял покой. Нина так и сказала по – земному «приезжай», а не «прилетай». Вот только не подсказала, как это сделать.

Всякий раз, встречаясь с Николаем Ивановичем, я интересовался, не появлялся ли снова НЛО. Он отвечал отрицательно и вдруг позвонил мне на работу:

– Прилетел, сволочь. – В его голосе была явная тревога. – Велел тебе быть сегодня ночью в Нинкиной комнате.

– Что значит, велел?

– Сам не пойму. Никого я не видел и не слышал, а все понял, что он мне сказал. Ты, говорит, знаешь, как связаться с Глебом, вот и скажи ему, пусть приходит сегодня ночью, если хочет увидеть свою невесту с сыном. У тебя с ней было?

– В том-то и дело, что было. Я сына каждую ночь во сне вижу. Вылитый я в детстве.

– Значит, сволочь, не сбредал. Тогда надо идти к нему и выяснить, как там у них.

– Это я и без него знаю. Их держат в клетке и показывают, как обезьян.

– Вон оно как, едрёна вша. Тогда тебе вовсе надо идти. Надо их вы...

На этом связь оборвалась. Видно, Николай Иванович зво-

нил по автомату и кончилось время. Но я понял, что он не успел досказать: «надо их вызволять оттуда». Я очень хочу их вызволить, только как? Силой заставить его вернуть их? Конечно, попробую.

Я еле дождался конца дня. В одиннадцать вечера я сидел на Нинином балконе и вглядывался в темное небо. НЛО в виде столба прилетел без пяти двенадцать, и минут через пять у меня закружилась голова.

– Молодец, что не побоялся придти, – услышал я рядом внутренний голос. – Пойдем со мной. Поспешите. Это место засекли ваши военные и сейчас сюда нагрянут.

Скрипнула балконная дверь. Вслед за невидимым инопланетянином я прошел к двери и спустился вниз. Отойдя от дома, я обернулся и увидел в окне Николая Ивановича. Мне показалось, что он помахал мне рукой. Я ответил тем же и показал на стоявшую у дома свою машину, присмотреть за которой попросил его раньше. На всякий случай я ему оставил свой паспорт с правами и по его просьбе Нинины документы, чтобы удержать за ней комнату.

Мы подошли к слабо освещенному НЛО и по выдвижному трапу прошли во внутрь. Когда дверь за нами бесшумно закрылась, в кабине вспыхнул ярко-голубой свет, и я увидел перед собой низкорослого большеглазого красавца, точь-в-точь описанного Ниной. Только глаза у него были не золотистые, а зеленые. Я – не баба, чтобы балдеть от его красоты. Напротив, он мне сразу не понравился.

Не увидев Нины с ребенком, я спросил сердито:

– Почему их здесь нет? Где они?

– Потерпи. Скоро их увидишь. Меня зовут Ябо.

– Ябо? Того, кто похитил Нину, насколько я помню, звали Язо.

– Он – плохой. Я – друг Нины. Она и твой ребенок ждут тебя. Сейчас ты уснешь и проснешься при полете к Амориту. Закрой глаза.

Я понял, что вырваться отсюда мне уже не удастся, да и не хотел этого. Страх перед навечным исчезновением с Земли пересиливали желание увидеть Нину с сыном и интерес к неведомому. Землю я повидал, смерть когда – никогда неизбежна, а побывать еще на другой планете не каждому удастся.

Я послушно закрыл глаза и стал быстро погружаться в нечто, похожее на сон.

Проснулся я, не помня сна, свежим и полным сил.

– Можешь полюбоваться на наш Аморит в иллюминатор.

Я глянул в маленькое круглое окно и увидел внизу Нью-Йорк: одни сплошные крыши, только закругленные. Мне даже показалось, что я увидел две башни, разрушенные террористами Бен-Ладена или агентами ФБР, и такую же Статую Свободы, только не на острове, а на берегу.

– Это наша столица Амо. Она расположена на самом большом нашем острове Аморе, – пояснил Ябо. Только сейчас

до меня дошло, что слышу его голос, если можно так назвать тихий, певучий звук, напоминавший окраской жужжание мухи. – Правда, красивая?

Ничего красивого я не увидел и промолчал, чтобы не конфликтовать не по делу. Все мои мысли были заняты предстоящей встречей с Ниной и сыном.

Мы приземлились на окраине города. В окне я увидел серое небо и внизу толпу аморитян либо совсем голых, либо в цветной одежде, натянутой, как презервативы. Толпу с трудом сдерживали фигурки в черных костюмах наподобие водолазных и в синих масках, похожих на морды человекообразных обезьян. В руках у них были короткоствольные автоматы, мало отличавшиеся от автоматов в бандитских и фантастических американских боевиках. Как я понял, это были местные омовцы.

Ябо велел мне подняться, что я и сделал, взлетев под самый потолок и стукнувшись головой. Догадавшись, что это была гравитация, как на Луне, только посильнее, я ухватился рукой за окантовку иллюминатора и плавно опустился на пол, подумав о том, как смогу ходить. Я осторожно переступил ногами. Оказалось, ходить было можно, если не отталкиваться ногами, а по-стариковски шаркать.

Когда мы ступили на трап, я услышал висевший в теплом по-африкански воздухе гул из скулежа щенков и жужжания пчел одновременно, а аморитяне все, как один, подняли

вверх одну руку. Приняв это за приветствие, я тоже помахал им. Ябо тотчас подпрыгнул и повис на моей руке, заставив опустить ее.

– Это они нас снимают на видео или фото, – сказал он. – Видеокамеры и фотоаппараты у них надеты на палец, как перстни. Стражи порядка или по – вашему ОМОН могли подумать, что ты тоже фотографируешь, и запросто имели право тебя пристрелить. Разрешения-то у тебя нет.

Предупредил он меня во время, так как несколько омоновцев уже направили на меня свои автоматы. Я решил впредь быть осторожнее и тут же снова влипнул. Не увидев у трапа Нины с ребенком, я рывкнул на Ябо:

– А Нина где? Все еще в обезьяньей клетке?

Мой голос произвел на аморитян ошеломляющее впечатление. Омоновцы отпрянули назад и опять вскинули на меня автоматы, а толпа прямо-таки попадала, зажав уши, на землю или, как она у них тут называется, наверное, тоже аморитом.

– Ты с ума сошел! – закричал на меня испуганно, но опять телепатийно, Ябо, потирая уши. – Я забыл тебя предупредить, чтобы ты говорил шепотом. У нас твой голос приравнен звуку вашего пушечного выстрела. И с Ниной тоже разговаривай шепотом.

– Когда я ее увижу?

– Скоро.

Мог бы, козел, и привезти их сюда, обругал я его мысленно. К моему удивлению, он услышал и предупредил:

– Просто козел – это еще терпимо. Только не вздумай называть его безрогим или без яиц. Тут же на тебя в суд подадут и запросто упекут за клевету лет на пятьдесят. А за широко распространенную у вас суку, если ты так обзовешь аморитянку, влепят не меньше ста лет.

– Что так мало? – усмехнулся я, наблюдая, как аморитяне начали подниматься, постукивая по ушам.

– Мало? – удивился Ябо. – По-вашему это около тридцати пяти лет. Не каждый землянин столько живет.

Отметив, что наш год равен приблизительно их трем годам, я поинтересовался:

– А сколько присудят за мат?

– За мат у нас ничего не дают. У нас сажают за смысл в нем. За ваш русский мат с упоминанием матери или с советом пойти на и в половой орган или за угрозу совершить сексуальное насилие в извращенной форме ничего не дадут. У нас, к сожалению, такого хорошего, как у вас, мата нет, но если ты выскажешь подобную угрозу, многие потребуют ее тут же исполнить на деле. Вот тут, если откажешься, могут возникнуть неприятности, вплоть до суда. А тот постановит: «Сказал – делай».

Ну, блин, дела, подумал я. Ухо здесь надо держать остро. Скажешь «Я тебя в рот», – она его тут же раззявит.

Ябо и на это отреагировал:

– И не только раззявит, если это означает открыть рот. У нас полно голубых. И никуда ты не денешься. И насчет

«блина», если я правильно понял, что он означает. Избавь тебя бог назвать аморитянку блядью в смысле осуждения. Считай, что ты пропал.

– А в похвальном можно?

– Это сколько угодно. И чем больше в твоём голосе будет восхищения, тем больше это доставит ей удовольствия.

– За осуждение могут расстрелять?

– На казнь у нас мораторий. Мы же либерально—демократическое государство. Вместо казни тебя заставят подписать согласие на эвтаназию. Сам себя умертвишь. Не захочешь, помогут.

У меня по спине пробежали мурашки.

– Спасибо за предупреждение.

То, что Ябо читал мои мысли, существенно меняло дело к худшему. Я понял, что убежать отсюда будет практически невозможно. Как я смогу что-то сделать, не думая об этом?

Мы стали спускаться по трапу, при этом я крепко держался за поручни, чтобы не подпрыгивать.

Омоновцы образовали живой коридор от трапа до стоявшего, вернее, лежавшего полуцилиндра.

Ябо что-то опять прожужжал, я не понял и хотел переспросить, но сделать это мне не дали омоновцы, которые ухватили меня за руки и потащили к полуцилиндру. Меня толкнули в открывшуюся нишу, а внутри полуцилиндра – в клетку, которую тут же захлопнули.

– Как это понимать? – спросил я Ябо, дрожа от гнева.

Трое омоновцев в синих масках, тоже, наверное, из презервативов, приняли боевую стойку, а Ябо, проигнорировав мой вопрос, что-то сказал стоявшему у пульта пилоту. У того вдруг зажглись глаза, и я догадался, что это был робот. Фигурой и лицом он походил на омоновца, а ростом был еще ниже. Повернувшись к пульта, робот нажал пальцем на кнопку, и полуцилиндр, который я окрестил дирижаблем, взмыл вертикально вверх, отчего у меня перехватило дыхание, и потемнело в глазах. Едва я пришел в норму, как мне опять стало трудно дышать, и прилила кровь к голове, – дирижабль уже опустился. По моей прикидке, мы летели не больше двух – трех минут. Я даже в окно не успел глянуть. Да и что бы я увидел при такой скорости?

Омоновцы открыли клетку и вывели меня наружу. Я оказался в многолюдном, вернее во многоаморитятном парке, мало отличавшимся от наших городских парков, лишь музыка была в несколько раз тише и мелодичностью напоминала китайскую.

Вслед за Ябо меня повели по живому коридору, как в аэропорту, но более длинному и извилистому. И состоял он не из омоновцев, а из посетителей парка, одетых, как и в аэропорту, в цветные ничего не прикрывавшие презервативы. А то и вовсе были голые, лишь разрисованные под

индейцев. Но я на них не смотрел. Будучи выше всех на две головы я еще издали увидел на возвышении клетку с Ниной. Радость от предстоящей встречи с ней смешалась у меня с ужасом от переживаемого ею унижения. Забыв про гравитацию, я ускорил шаги. Взлететь мне помешали повисшие на моих локтях два омоновца. Третий, шедший впереди, направил на меня автомат. Сзади Ябо обозвал меня козлом. Ходьбу я все же ускорил, заскользив чаще по пластиковому тротуару.

Меня остановили у входа в клетку. Нина сидела ко мне боком на топчане и кормила грудью ребенка. Ее взгляд был безучастно устремлен в никуда. Даже приблизившийся гул толпы не вывел ее из этого состояния.

Стоявший у клетки охранник в майке с портретом Нины на груди открыл дверь, Ябо заглянул в нее и что-то сказал Нине. Она повернула голову, увидела, как меня втолкнули в клетку, и заплакала. Я подошел к ней, опустился на колени, поцеловал ее в губы, а ребенка – в темную головку. Он оторвался от груди, продолжая чмокать влажным ротиком.

– Не надо было тебе сюда приезжать, – прошептала Нина сквозь плач. – Теперь и ты погибнешь здесь вместе с нами.

Я оглядел клетку. Она была в виде полусферы из тонких прозрачных прутьев толщиной с палец. Кроме топчана в клетке ничего больше не было. У двери снаружи засты-

ли два вооруженных охранника с Нининым портретом. Омоновцы исчезли, что меня обрадовало, так как мысль о побеге все время сидела у меня в голове.

Бросив беглый взгляд на сплошную стену посетителей за веревочной оградой, я с горечью подумал, что нас действительно показывают, как обезьян.

Только сейчас я обратил внимание, что Нина и ребенок были абсолютно голыми.

Я стянул с себя шерстяной свитер с широкой горловиной и растянул ее еще больше. Велев Нине поднять руки, я надел на нее свитер. Получилось подобие платья без бретелек. Привстав, она натянула свитер почти до колен, а, усевшись, прикрыла их. Я растянул один рукав, и в него свободно вошел ребенок, лишь торчала головка. Пригревшись, он вдруг растянул губки, а когда я погладил его по головке, показал в улыбке два крохотных верхних зубика.

– Так рано? – удивился я.

– Это по-нашему рано. А по их летоисчислению Алешке уже около четырнадцати месяцев. По—нашему, я могу только предположить, что ему месяца четыре – пять.

Я глянул на дату на своих часах, и у меня отвалилась челюсть: со дня отлета с Земли прошел месяц и шесть дней. Если даже НЛО с его бешеной скоростью летел столько времени, то какое же расстояние отсюда до Земли? И все это время я спал?

Отняв девять месяцев с даты похищения Нины, я полу-

чил, что сыну было четыре месяца и семь дней.

– Он растёт не по дням, а по часам, – сказал я и спросил. – У вас есть жилище, где вы отдыхаете, спите?

Нина указала на круглый домик метрах в пятидесяти, соединённый с клеткой полусферическим коридором из разноцветных прозрачных прутьев. Взглянув на высокий столб с мигающими точками в глубине парка, она сказала, что до закрытия осталось по местному времени около пяти часов. Пересчитав на наше время, я обрадовался: меньше двух часов, ерунда, потерплю.

– Вы все время здесь находились?

Нина покачала головой.

– Нет. До рождения Алешки и ещё семь их месяцев я жила тайно от власти на небольшом необитаемом раньше острове, где обосновались союзники Язо по изменению жизни на Аморите. Но об этой идее узнал Президент. Он послал на остров очень злой спецназ. Меня с Алешкой схватили, что стало с остальными, я не знаю. Слышала, что почти всех поубивали и дома сожгли. Но Язо чудом удалось спастись. – Нина придвинулась ко мне и зашептала совсем тихо. – Недавно он передал мне очень слабый сигнал о том, что готовит план моего с Алешкой побега отсюда с последующим возвращением на Землю.

Я обернулся на дверь и, не увидев Ябо, спросил:

– Ты не боишься, что могут прочитать наши мысли?

– От телепатийного чтения моих мыслей меня защитил

Язо, подключив мой мозг к какому-то аппарату. А тебе действительно надо опасаться, пока и тебя не защитят. Но тут не так все страшно. Читать твои мысли они могут лишь при непосредственном общении с тобой. А читать их при помощи гипноза без твоего согласия им запрещает принятый здесь закон. Он принят в основном, чтобы исключить насильственное принуждение к занятию сексом. А то бы здесь был еще больший разврат. Но на Земле этот закон не действует, и там аморитяне могут вступать с нами в астральный контакт и гипнотизировать нас без нашего согласия. Могу представить, сколько перетрахал наших девушек подлец Ябо, когда летал за тобой.

– Подлец? Он мне представился твоим другом. А Язо он назвал плохим чело... аморитянином.

– Как раз все наоборот. Плохой Ябо. А Язо оказался хорошим. Когда-то они были друзьями и соратниками. После рождения Алешки Ябо вдруг стал приставать ко мне, наплевав на закон, запрещающий секс без согласия партнерши. Я его, естественно, отшила и пожаловалась Язо. Тот набил ему морду, и Ябо выдал власти планы Язо Президенту.

– А с Язо у тебя ...?

Нина не отвела глаза от моего испытующего взгляда и ответила с обидой:

– Здесь ни с кем. Ты не сходил у меня с языка ни до родов, ни после. О тебе все знали, и никто даже не пытался. Кроме того раза со стороны Ябо. Меня, как у нас говорят до-

ма, имели лишь глазами. Язо тоже не пытался. А на Земле... ты же читал, я ничего не скрыла от тебя. Я ж не виновата.

– Прости. – Я погладил ее руку. – Чья идея посадить тебя сюда?

– Я уверена, что Ябо. После острова месяца три нас с Алешкой держали в каком-то научном институте, исследовали всякими приборами. И вдруг приехал Ябо, забрал нас и привез сюда. Когда меня усадили в клетку, он сказал мне с издевкой: «Ты пожалеешь, что не дала мне тогда. Но еще не поздно. А пока побудь обезьяной». Здесь мы меньше их полгода.

Я поднялся и, задержав взгляд на аморитянах, усмехнулся. На обезьян больше походили они. Это сходство увеличивала их нагота. То, что я принял за одежду из презерватива, оказалось, со слов Нины, либо узорным цветным загаром, либо краской с татуировкой. Кроме блестящих украшений на груди и между ног, на женщинах ничего больше не было. Абсолютно голыми были и мужики, обильно украсившие член и яйца ожерельями.

Почти все аморитянки держали своих кавалеров за члены, подобно тому, как у нас влюбленные держатся за руки, и точно так же, как у нас, наиболее ретивые девушки тянут за собой кавалеров, так и здесь аморитянки тянули кавалеров за члены, длина которых не намного уступала длине рук. У аморитян без подруг члены были подвешены к массивной

цепи на шее.

– Вот хамка, -вдруг сказала Нина. – Видишь вон ту желтоволосую куклу с серебряным загаром у самой ограды?

Я отыскал взглядом аморитянку с волосами, похожими цветом и формой на сноп пшеницы. Она прямо-таки пожирала меня своими в пол-лица фиолетовыми глазами. Тонкие прутья не мешали мне рассмотреть ее как следует. Я сразу понял, отчего у нее треугольное лицо основанием кверху: чтобы было, где разместить такие огромные глаза. Их еще больше увеличивали длинные не меньше сантиметра золотистые ресницы.

Также не составило мне труда сообразить, что чрезмерно широкие плечи при маленьком росте аморитянки объяснялись необходимостью иметь достаточную площадь для размещения груди, не уступавшей по размеру вымени колхозной коровы – рекордистки.

– Она уже мысленно раздела тебя и спросила меня, хорош ли ты в постели. Знаешь, что я ей ответила?

– Ну и что же? – Мне и вправду было интересно это знать.

– Что ни одного из этих слабаков не сравнить с тобой.

– Это ты, мне кажется, соврала.

– Пусть позлится. А то раскатала на тебя свои толстые губищи.

Ни Нина, ни я не представляли, какие последствия будет иметь для нас эта ее необдуманная выходка.

Толпа вдруг пришла в движение, сердито размахивая

на нас руками. Несколько аморитянок во главе с желтоволодой красоткой куда-то убежали.

– Насколько я поняла, – заволновалась Нина, – желтая кукла передала другим мои слова, и все аморитянки загорелись желанием увидеть тебя голым.

– Кто тебя тянул за твой длинный язык? – рассердился я. Но, увидев ее обиженное милое личико, предложил. – Слушай, а может, мне прямо сейчас снять штаны и показать им свои причиндалы? Они увидят, какие они, и сразу отстанут.

Я стал расстегивать молнию. Нина ухватила меня за руку: – Обойдутся.

Вскоре толпа расступилась. Убежавшие аморитянки привели с собой троих мужиков. Среди них я с трудом узнал Ябо. Он был весь зеленый с перламутровым оттенком, кроме черной майки с портретом Нины. Помимо желтых глаз, зелеными были его лицо, волосы, руки, ноги, туго обтянутые шорты. Ни дать, ни взять жаба. Второй аморитянин ничем не отличался от нашего пожилого крестьянина с обгоревшим на солнце морщинистым лицом, прикрытым короткой седой щетиной. Его живот заметно выпирал. А главное, он был одет совсем по – земному: в свободные мышинового цвета шаровары, черную футболку с длинными рукавами и в шлепанцы на босу ногу. Третий аморитянин был молодой и разноцветный, как фестиваль: оранжевые лицо и руки, ярко крас-

ные глаза, коричневые волосы, голубые шорты и черная майка с Ниной. На его лице белели крест на крест два пластыря. В руке он держал плетъ с круглым набалдашником на конце.

– Старик – директор парка, – шепнула мне Нина. – Очень хороший, всегда меня защищает. А этот с плетью – работник парка, прикреплен к нам. Зовут его Яго. Очень злой. Несколько раз бил меня плетью, а вчера пытался изнасиловать. Наверное, спешил перед твоим приездом. Я спокойно напомнила ему про закон. Он сказал, что закон животных не касается, и тогда я пустила в ход ногти, раз я животное. Если директор к нам подойдет, обязательно ему пожалуюсь.

– Не надо. С этим Яго я сам разберусь.

– Меня тревожит присутствие здесь Ябо. Непонятно, почему на нем майка работника парка. Это плохо, если он все время...

Договорить ей не дал подошедший вплотную к клетке директор. Он хмуро осмотрел вначале меня с головы до ног, затем глянул на Нину, задержав взгляд на Алешке. Вдруг его губы раздвинулись в подобии улыбки. Вместо зубов у него были сплошные сероватые пластинки. Повернувшись к толпе, он поднял руку, призывая к спокойствию, и загудел с хрипотцой, напоминая гул овода. Кончив говорить, он еще раз взглянул на нас и решительно удалился под возмущенный кошачий визг посетительниц. Вслед за ним ушли Ябо и Яго. Толпа еще какое-то время повизжала, недовольно поглядывая на нас, и стала постепенно рассасываться.

– Ты что-нибудь поняла?

– У директора я почти все понимаю. Он сказал, что мы должны быть одеты и вести себя так, как это принято у нас на Земле, в том числе заниматься любовью, когда хотим мы, а не посетители. Интересно, я первый раз услышала «заниматься любовью», обычно они говорят матом.

– А что если я сейчас хочу ею заняться?

Нина засмеялась и прикрыла мне рот рукой. Я обнял их обоих. Очень хотелось скорее уединиться.

Когда посетителей осталось совсем мало, в проходе со стороны домика появился Яго и открыл дверь клетки. На выходе из нее я ткнул его пальцем в грудь и пригрозил, избегая мата:

– Еще раз ее тронешь – придушу.

Он отпрянул, поднял плеть, но не ударил, а лишь взвизгнул, как мне показалось, очень зло.

У домика нас поджидал Ябо.

– Ну, доволен? – спросил он меня вслух, открывая рот, как и мы.

– Когда мы возвращаемся на Землю?

– Это решать не мне. Но, думаю, скоро. Помогите нам поймать Язо, и мы вас отпустим.

– Интересно, как мы это сделаем?

– Мы уверены, что он обязательно захочет забрать вас отсюда. Если вы надумаете бежать с ним, погибнете вместе

с ним.

– Предположим, не надумаем, где гарантия, что вы вернете нас на Землю?

– Я с тобой разговариваю по поручению Президента. Он мне это обещал.

– Что мы должны сделать?

– Сообщить нам, когда Язо с вами свяжется и о чем с ним говорили. После этого мы дадим вам инструкцию, как действовать дальше.

Тут вмешалась Нина, резонно заметив:

– Ты предал Язо, предашь и нас. А Президент ваш – убийца.

Ябо обернулся на Яго, поправлявшего веревочную ограду вокруг клетки.

– Не советую сказать это при других и даже так думать. Аморитян за такие слова кастрируют, а аморитянкам запрещают заниматься еблей до конца жизни. Да и не вам судить о нашем Президенте. Он действовал в соответствии с Конституцией. Язо хотел свергнуть существующий на Аморите строй.

– Ты хорошо знаешь, что это не так. Он всего лишь хотел начать со своими сторонниками новую жизнь, но здесь ему не давали. Поэтому он намеревался переехать на другую планету. А ты его предал, наврав насчет свержения.

Ябо заскрежетал зубами от злости. Я поспешил его сдобрить

– Хорошо, мы подумаем. Но веры у нас к тебе действительно нет. Меня ты тоже обманул, не предупредив, что нас будут показывать, как зверей.

– У вас нет другого выхода, кроме как сотрудничать с нами. Не согласитесь, разъединим вас или отнимем ребенка. Да и других видов принуждения, до которых вы на Земле не додумались, у нас достаточно. Даю вам срок до завтрашнего утра. До открытия парка вы должны дать мне ответ. Советую согласиться.

Он повернулся и ушел.

Нина занялась Алешкой, а я стал осматривать внутренность дома, не переставая думать о предъявленном нам ультиматуме. Почему-то я был уверен, что ночью с нами свяжется Язо, в ком я видел единственную нашу надежду.

Осмотр жилища я также увязывал с побегом. Вот только куда?

Из-за того, что дом был круглый, комнаты в нем были в виде секторов, соединенных в середине с ванной и туалетом. Вокруг дома шла открытая веранда. Хотя конструкция дома оригинальностью не отличалась, после звериной клетки он показался мне райским уголком. Я принял душ. Вот он мне действительно понравился: вода лилась со всех сторон, а из стен вылезали руки с намыленными мочалками. Захотел отмыть зад – подносишь его к руке, и она начинает его надраивать мочалкой, омывая нежной стружкой воды. Вот что значит внеземная цивилизация.

А вот ужин мог бы быть получше. Он состоял из одних сгущенных витаминов в тубиках. Вкуса никакого, но чувство голода исчезло мгновенно. Вода тоже была в тубиках, но литровых. Она чем-то напоминала газировку.

Во время ужина мы посмотрели по встроенным по всему периметру стены двадцати девяти экранам новости, главной из которых был мой прилет на Аморит и встреча с Ниной. Больше всего показывали мою одежду и обувь, видимо, как атрибут архаизма, подолгу задерживая камеру на ширинке. Что именно в ней их привлекло, Нина из писка не поняла, но все прояснила появившаяся на экране желтоволосая красотка. Сначала мне показалось, что она запела, как скрипка на самой высокой ноте. Но это она рассказывала о разговоре с Ниной, на основе которого составила мой виртуальный портрет. Тут же на экране появился я голый, как сокол, с фигурой получше, чем у Аполлона, и с собратом до колена. Не успел я придти в восхищение от самого себя, как собрат вздрогнул и стал быстро приподниматься, увеличиваясь по длине и толщине. Став вдвое больше, он повел по сторонам головой размером с кулак и задрожал от возбуждения, только что не заржал, как жеребец.

Вдруг из его основания, спереди и сзади, вылезли еще два собрата. Передний заскользил вверх по животу, пока не уперся в подбородок. Он был не толще большого пальца. Его продолговатая голова походила на эскимо на палочке.

Задний собрат по толщине не уступал основному, но был на треть короче и с заостренной головой.

Оба брата собрата также приподняли головы и в нетерпении повели ими.

Ждать им пришлось не долго. Вновь появившаяся желтоволосая красотка в одно мгновение загрузила работой всех троих, меняя по ходу позиции. Не поняв, как это ей удавалось, не запутываясь в собратях, я позвал на помощь Нину, опять занявшуюся Алешкой. Она велела мне не ломать голову над большим воображением дурехи и выключила телевизор.

Мы долго не могли утолить любовную жажду и наговориться. Когда мы коснулись ультиматума Ябо, я опять включил телевизор, чтобы уменьшить риск подслушивания, и вдруг увидел на экране нас в момент только что состоявшейся близости. Сам процесс снимавших мало интересовал, как нас собачья случка. Все их внимание было сосредоточено на моем собрате. Видно, они отказывались верить своим глазам: такой верзила и такая крохотная, на их взгляд, пиписка. Для сравнения рядом со мной они поставили аморитянина. Картина, надо честно признаться, была крайне унижительной для меня. Он был мне под мышку, и мышкой выглядел мой собрат в сравнении с его елдой.

– Слава богу, – вздохнула с облегчением Нина. – Может, теперь они от нас отстанут.

– Для меня важнее, чтобы ты от меня не отстала.

– Да разве тебя с ними сравнить?

Она нежно поцеловала меня в щеку, как в первый раз. Целоваться по настоящему она так и не научилась. Но этот поцелуй возбудил меня сильнее, чем любой французский.

Меня мало встревожило, что аморитяне наблюдали за нашими любовными утехами. А вот то, что они могли следить за каждым нашим шагом, мне очень не нравилось. Хотелось надеяться, что Язо учтет это препятствие.

На рассвете Нина вскочила и, схватив меня за руку, шепнула:

– Язо подает сигнал. – Она вся ушла в себя, изредка кивая головой. – Слышимость очень плохая. Они понаставили помех. Он сказал, чтобы мы были готовы к побегу. Я спросила, что мы должны делать, он сказал, чтобы ты не делал необдуманных шагов. Я спросила, каких именно, но тут связь стала исчезать. Я лишь разобрала «скажи ему, пусть...».

Я тоже не имел представления, что имел в виду Язо, возможно, просил не идти на сделку. Я и так не пойду.

Но утром Ябо не появился. Нас опять усадили в клетку. Зрителей вокруг нее заметно поубавилось. В глазах аморитянок я читал презрительную усмешку: «А я-то думала, что у тебя не меньше метра». Мужики торжествовали. Наиболее наглые возбуждали себя и размахивали елдой перед клеткой, как шпагой, приглашая меня на поединок. В то же время мне показалось, что мужики как-то особенно пожирали Ни-

ну глазами. Вчера я это не заметил.

Глава третья

Кто из нас обезьяны?

Спад к нам интереса со стороны посетителей парка дал мне возможность основательнее понаблюдать за ними самими. На первый взгляд все они были похожи друг на друга, как китайцы и негры. Но я был в Китае и в Африке и знал, что эта схожесть кажущаяся и лишь в первые дни. А потом, когда приглядишься и свыкнешься с черными лицами, быстро начнешь понимать, что они разные, как и мы. Кстати, для них мы, белые, тоже все на одно лицо. Когда я по – пьянке сказал одному негру, что они к тому же еще и чем-то пахнут, – а это действительно так оттого, что они чем-то натираются, – он мне отпарировал: знал бы я, как воняем мы, белые.

Это я вспомнил, глядя на аморитян из клетки. С ними, однако, дело обстояло сложнее. Они на самом деле были поразительно похожи друг на друга. Мужчин можно было смело выставлять на соревнование по бодибилдингу: все широкоплечие, с узкой талией, накаченными мышцами и с едва не касавшимся подбородка членом. Как мужчина я невольно подумал о том, что при всем своем желании я с трудом дотянул бы своего собрата до пупка, хотя по нашим меркам он у меня был далеко не маленьким.

Женщины все, как одна, были фигуристыми и своими

пышными формами напоминали мне одну кубинку, от которой я не мог оторвать восхищенных глаз во время вынужденной посадки в аэропорту Гаваны. Но даже ее шикарная грудь не шла ни в какое сравнение с грудью аморитянок, словно скопированной с двух половинок футбольного мяча.

Приглядевшись повнимательнее, я заметил среди посетителей много близнецов.

– Это потому, – пояснила Нина, – что лет триста назад здесь разрешили клонировать аморитян, и они бросились копировать детей с наиболее красивых кинозвезд. Те не возражали, и молодые аморитяне поделились на несколько типов, как если бы у нас все женщины стали походить, к примеру, на Мэрилин Монро и нашу Быстрицкую, а мужчины – на Сталлоне и Вячеслава Тихонова. После того, как они научились клонировать отдельные части тела, в моду вошли гибриды с наилучшими данными выбранных образцов. Со временем у женщин надежно закрепилась мода на большую грудь, огромные глаза и недалекий ум. У мужиков ум тоже не в большом почете, главное, чтобы член достигал нужного размера.

– Я не понял. С кого они клонируют полуметровые члены? У нас, например, таких нет даже у негров.

– Их, я слышала, здесь как-то наращивают. Детям их длина не передается.

– А кому нужен такой размер? Я сильно сомневаюсь, чтобы хотя бы одна аморитянка могла принять на грудь полу-

метровую елду. По-моему, чисто физиологически это не возможно.

– Выходит, возможно. Некоторые, я слышала, даже вырезают матки, чтобы, как ты сказал, принять на грудь, как можно больше. Видишь у них под пупком цифры?

На яркие выпуклые вензельные татуировки под пупком я обратил внимание еще раньше.

– Это глубина их вагины. Кстати, это слово здесь можно встретить лишь в учебнике по анатомии. Общепринятой замены, как у нас, ей тут нет. В разговоре, что только не услышишь, причем в основном оскорбительно грубое. Самое ласковое, что я слышала, это пещера, а в основном дыра, ведро, но чаще всего лоханка, о чем я упоминала в дневнике.

– Ну и какая у них самая большая лоханка?

– Ровно полметра я ни у одной здесь не видела, а до сорока пяти сантиметров встречаются часто. А вон у той бирюзовой куклы, которая держит сразу два члена, аж целых сорок семь сантиметров. Правда, многие преувеличивают, но это надо еще проверить, что они и добиваются. Преувеличивают и мужики. У тех и у других каждые лишний сантиметр ценится дороже золота. Президент, чтобы остановить это состязание, своим указом ограничил длину члена сорока девятью сантиметрами, а предельный размер груди женщин установлен приблизительно на уровне нашего восьмого номера. Поэтому у восьмидесяти процентов аморитян именно эти параметры. У кого меньше, тот и та считаются не совсем

полноценными.

– А у тебя какой размер груди?

Нина смутилась.

– Был третий. Сейчас из-за Алешки чуть больше.

Я мысленно приставил ей грудь аморитянки и засмеялся.

А что? Очень даже впечатляло. Отбоя от наших мужиков не было бы. Она прочитала мои мысли и замахнулась на меня рукой:

– А ну тебя, бесстыдник.

Если я бесстыдник, то, как тогда назвать их? Сегодня я заметил, что дамы время от времени наклонялись и облизывали члены, как мороженое, задерживаясь на концах. Видел я и открыто совокуплявшиеся пары недалеко от нашей клетки.

– У них вообще еще что-нибудь есть на уме, кроме, извини меня, ебли? – И вы меня извините, но другого слова для определения того, что видел, я не нашел. Даже случка с совокуплением не подходили.

– По-моему, нет. А зачем? Они всем обеспечены, работать не надо.

– Что значит, не надо? Десять процентов, про которые говорил тебе Язо, по-моему, совсем недостаточно, чтобы строить дома, изготавливать самолеты, выращивать урожай?

– Язо имел в виду вот эту элиту, – Нина указала глазами на посетителей парка. – Но я думаю, он преувеличил. Десять процентов работающих с пользой для общества среди них

вряд ли наберется. А в сфере материального производства их вообще нет, не считая олигархов, которые тоже лишь вкладывают деньги. А их, я слышала, всего около сорока.

– Не понял. Кто же здесь работает?

– На это есть аморитяне второго и третьего сорта – бежевый народ и синие. Но они как бы не в счет. Когда речь заходит об Аморите, то подразумевается лишь одна элита. А бежевый народ и синие – это как приложение к ней. Как роботы.

Я внимательно посмотрел на охранника у дверей клетки. Еще вчера их маски мне показались подозрительно похожими на живые лица. Морщины на них двигались, как на лице.

– Разве на нем не маска?

– Я тоже долго думала, что они в масках. На самом деле это у них синие лица, как черные у негров. У них все тело синее. Когда-то специально для работы и обслуживания истинных аморитян они были завезены сюда с другой планеты, как негры из Африки в Америку. Им запрещено менять цвет кожи.

– Почему синие? Разве загар синим бывает? И ты упоминала цветной. У них солнце особое?

– У них его вообще нет. Их освещает отраженный от другой планеты свет.

Как у нас лунный свет. Только у них ее свет во много раз ярче. От него загара не бывает. Он у них искусственный.

– Ты упомянула про бежевый народ. Кстати, почему слово

народ ты увязываешь только с бежевými аморитянами?

– Потому что синие у них не считаются народом. Когда-то их хотели заменить роботами. Потом оказалось, что роботы намного дороже, и сейчас их опять заменяют синими. Их аморитянами не называют, а просто синими.

– Не понятно, но ладно. Синие лица я видел, а бежевого ни одного

– Не видел потому, что простой бежевый народ в этот парк не вхож. Это парк только для элитян.

– Элитян? Интересное слово. Я его слышу впервые. Запомню. У нас его тоже можно употреблять. Элитяне, хм. Звучит хлестко, как подьёбка. А они какого цвета от рождения?

– Также бежевого. Но этот цвет у них не моден, и они окрашивают себя, кто как хочет. Сейчас в моде перламутр. Народ, я имею в виду бежевых, особенно их молодежь, которая, как и везде, подражает элите, но выглядит это подделкой и сразу бросается в глаза. Как у нас китайский товар. Бежевые лица среди молодежи редко встретишь, у пожилых – чаще, а еще чаще со следами загара или краски, как у нас с татуировкой советских времен на пальцах типа «Ваня» и «1930». Чисто бежевые аморитяне встречаются среди приверженцев старых обычаев, подобно нашим староверам и сектантам, и среди тех, кто не пожелал присоединиться к элите по идейным соображениям, как Язо.

– У Язо только лицо бежевое или все тело?

– Насчет всего тела я не знаю, он всегда в одежде, а лицо у него бежевое. Но уверена, что тело у него не синее. Ты не встретишь ни одного синего аморитянина. Даже синеглазых среди них нет.

– А метисы или мулаты?

– Они здесь запрещены законом. Их умерщвляют сразу после рождения. Но до рождения, как правило, не доводят.

– Не понял. У них расизм?

– Они так не считают. Они утверждают, что у них либеральный демократизм. Бежевому и синему народу здесь предоставлена полная свобода, делай, что хочешь, но только в пределах конституции и своей территории.

– Они живут на разной территории?

– Обязательно. И тем и другим элитой выделены отдельные острова. Я на них не была, но от Язо слышала, что синие живут намного хуже бежевых. Но между собой те и другие живут приблизительно одинаково, хотя определенная градация есть. Самыми обеспеченными считаются работники шоу бизнеса и прессы. Их задача – создавать веселую беззаботную обстановку в обществе. Лучшее всех живет бежевая попса, которая допущена развлекать элиту и сама почти считается ею. Затем следуют работники органов правопорядка и охраны. Его высшее звено составляют бежевые, низшее – синие. За ними идут торговцы. Как правило, владельцами магазинов синих являются бежевые, а магазины бежевых принадлежат элите. Потом идут бежевая и синяя

интеллигенция. У бежевых она богаче, так как, кроме учителей и врачей, к ней относятся ученые и инженеры, которых у синих практически нет. Самыми бедными считаются обслуживающий персонал и рабочие. Последние, особенно неквалифицированные, состоят исключительно из синих. Такая диспропорция в социальном положении объясняется тем, что в последние два – три столетия на Аморите продолжается затяжной кризис капитализма, промышленность пришла в упадок, и бывшие ученые, инженеры и рабочие ушли, как правило, либо в охрану либо в бандиты. Сюда стремится попасть и молодежь. Поэтому резко уменьшилась потребность в учителях. А сейчас, в связи с еще и продовольственным кризисом, правительство пошло на ограничение прироста населения. Разве что синим, которым раньше было запрещено иметь больше одного ребенка, сейчас разрешили иметь двоих детей. Это связано с заменой ими невыгодных роботов. Но их численность по-прежнему продолжает быстро уменьшаться, так как срок жизни у них даже меньше, чем у русских в России. Элита с ними делает, что хочет. Чтобы уменьшить интерес элитян к интимным связям с синими была попытка ограничить у синих размеры половых органов как у мужчин, так и женщин. В сторону уменьшения, естественно. Но закон такой не прошел. Законодатели, видно, не захотели вообще заострять этот вопрос как, с одной стороны, расовый, а с другой – не имеющий под собой основания. У синих, например, связь с элитянами считается

несмываемым позором.

Я почесал затылок, выражая сомнение:

– Неужели у синего нет желания кинуть палку сиястой элитянке?

– Сисястой, может, и есть, – засмеялась Нина. – Только что он сможет сделать своими двенадцатью сантиметрами в ее полуметровой лоханке?

– Да, действительно ничего, – почесал я затылок. – Разве что окунуться в нее с головой. Любуясь ими, я как-то об этом не думал. Мне там тоже, пожалуй, делать нечего. Но у аморитянина с синей должно хоть что-то получиться. Она у вас, как говорится, имеет свойство расширяться.

– У бежевого аморитянина – проблем нет. У них члены обычные. А у элитян с синими случка проблематична, несмотря на твои гинекологические познания. Такие случаи были, если элитяне даже с животными живут без стеснения и без осуждения. О самочувствии животных после этого я не знаю, а про смерть синей женщины слышала. Но это был чуть ли не единичный случай. Я думаю, что в их неприязни друг к другу большую роль играет классовая или социальная неприязнь. Во всяком случае, у синих. Но самое интересное, они, насколько я изучала этот вопрос, абсолютно не завидуют элите и не хотят вести ее образ жизни. Элиту они презирают за безделье и открыто называют паразитами.

– Элита это допускает?

– Я же тебе говорила, что у синих и бежевых полная сво-

бода. Они могут говорить и писать все, что им вздумается. Но только на своих островах и без каких-либо действий против существующего строя и правящей элиты. Как и у нас. Ругать олигархов можно сколько угодно, только нельзя трогать их самих и их богатство.

На Земле я с Ниной о политике не говорил, а тут она открылась мне с другой стороны.

– Я смотрю, ты здесь кое-чему научилась.

– Научилась я на Земле, а здесь лишь нашла подтверждение своим взглядам на нашу жизнь в России. Когда я была беременная, времени свободного было много, вот я и изучала их жизнь, сравнивая с нашей.

– Раз изучала, тогда должна знать, почему синие терпят над собой власть элиты?

– А почему наш народ терпит ограбивших его олигархов и защищавшую их власть?

Я опять почесал затылок, на этот раз дольше.

– На этот вопрос тебе не только я, но и, по-моему, никто в России не ответит. Самое интересное, что я его никогда не слышал. Может, ответишь ты, если знаешь, почему здесь синие терпят элиту? Да и бежевые тоже.

– Потому что и те и другие не считают себя чем-то обособленными. Многовековая изоциренная пропаганда убедила их в том, что их общество является самым свободным и демократичным во всей вселенной. Они уверены, что элита их ни в чем не ограничивает. А то, что ей одной принадлежат все

природные богатства, так это было давно, еще при царе Косаре, и с этим уже ничего не поделаешь. Поезд, как говорится, давно ушел. И, кроме того, это закреплено конституцией, согласно которой частная собственность считается неизбежной и неприкосновенной. А разжигание социальной вражды считается здесь самым тяжким преступлением и карается принуждением к эвтаназии. Пресса изо дня в день трубит о благородстве олигархов и элиты. Они могли бы одни пользоваться всем своим богатством, но щедро делятся им с народом, не допуская среди него голода, строят для бомжей приюты, помогают нищим. Это тебе ничего не напоминает?

Я наморщил лоб в раздумье.

– Похоже на Россию, где тоже узаконены итоги приватизации начала девяностых годов.

– Это само собой. А мне больше напоминает Чукотку, где Рабамович отстегивает чукчам по одной сотой процента от своих миллиардов, и те рады до соплей. Это все равно, что я раздавала бы нищим ежегодно по три рубля от своей годовой зарплаты. Правда, я раздавала им во много раз больше, когда ходила в церковь поминать папу с мамой. Вот только Президент почему-то мне не дал за это орден, как Рабамовичу.

Как говорят в таких случаях, я потерял дар речи. Во дает. Мне потребовалось время, чтобы продолжить свое наблюдение за элитянами.

Что-то уже не раз привлекало мое внимание в толпе. Я окинул ее медленным взглядом, тем более что она была не густой, и задержался на девушке, заметно отличавшейся от других. На ней была свободная накидка, скрывававшая тело, а голову покрывала вуаль, сквозь которую я рассмотрел почти человеческого размера голубые глаза. Грудь девушки выпирала, но не больше, чем у Памелы Андерсон. Однако, в сравнение с последней, девушка была писаной красавицей: и носик и нежные губки, не то, что искусственные в растопырку губищи у Памелы.

Встретив мой взгляд, девушка заметно смутилась и, как веером, прикрыла глаза густыми темными, как у Нины, ресницами. Не красными, не желтыми, а нашими темными. Я указал незаметно Нине на девушку и сказал, что она похожа на нас. Взглянув, Нина рассказала, что у элитян изредка появляются неформатные дети под влиянием ген далеких предков, как у нас негритята у белых родителей. Элита к ним относятся сочувственно, как к инвалидам детства. Но до рождения таких детей она, как правило, не доводят. Нина слышала, что даже одна из дочерей или внучек Президента родилась с отклонениями, но ее никогда не показывали по телевизору. Понравившаяся мне девушка по – аморитянским меркам считалась если не уродкой, то уж далеко не красавицей. Обычно они тщательно скрывают свою внешность. А эта почему-то не боялась ее показывать, используя

лишь вуаль.

Нина уставилась на девушку и, поймав ее взгляд, зашевелила губами. Губы девушки также пришли в движение. Мне показалось, что она опять смутилась, взглянув на меня.

Закончив разговор, Нина зашептала мне на ухо:

– Я ей сказала, что она тебе очень понравилась, так как по земным меркам она настоящая красавица и наверняка была бы избрана «Мисс Земли». Голубые глаза у нас считаются символом женской красоты. На нее мои слова произвели большое впечатление. Она была страшно довольна. Я воспользовалась этим и спросила, не родственница ли она Президента. Она замешкалась, но когда я сказала, что никому, кроме тебя, об этом не скажу, призналась, что она его внучка. Зовут ее Юно. Не долго думая, я попросила ее уговорить дедушку вернуть нас на Землю. Она не знала, как это сделать, так как ей не велели раскрывать, кто она. Я ей подсказала, что мы могли об этом не знать, а просто она нам очень понравилась, мы разговорились и поделились с ней своим желанием поскорее вернуться домой. Она пообещала и вдруг спросила, возьмем ли мы ее с собой. Только, чтобы не знал дедушка. Сказала, что очень хочет стать «Мисс Земли». Попросила переговорить с тобой, чтобы ты не возражал.

Я был не против и подмигнул девушке. Она опять смущенно прикрыла глаза, а, подняв, не спускала с меня.

Мне вдруг капнуло в голову, и я спросил Нину:

– Слушай, узнай, она Ябо знает?

Мы повернулись к Юно. Она между тем приблизилась к самой веревочной ограде и прямо-таки глотала меня своими глазами. Нина попыталась знаками привлечь ее внимание на себя, а я вдруг услышал внутри себя:

– Ябо ошивался с утра во дворце. До ухода сюда я все время была рядом с дедушкой, и он Ябо не принимал. В последнее время он себя неважно чувствует и занимается делами только после полудня. Вы меня слышите?

– Слышу, Юно, слышу, – обрадованно зашептал я, кивая головой. – Ты очень хорошая и красивая девушка. У нас к тебе большая просьба. – Я посмотрел по сторонам, не спрятался ли где Ябо, и перешел на мысленный разговор, помогая губами. – Если ты хочешь улететь с нами на Землю и стать там первой красавицей, то помоги нам улететь отсюда. Для начала ты должна узнать, говорил ли твой дедушка с Яро и о чем. Если дедушка его не принимал, то попытайся узнать, с кем встречался Ябо и о чем договорился насчет нас. А потом расскажи нам. И попробуй все-таки уговорить дедушку...

Но тут Нина тронула меня за рукав и шепнула:

– Ябо идет сюда.

Она посмотрела на Юно и зашевелила губами. Я разобрал: «Быстро уходи, чтобы тебя не увидел Ябо». Юно кивнула нам и нырнула в толпу.

Не поздоровавшись, Ябо сходу спросил, что я надумал. Я с яростью набросился на него за показ нас по телевизору.

– А вы хотели заняться этим тут на виду у всех? – отпарировал он. – Они бы все равно не оставили вас в покое, пока не увидели, как вы это делаете. Но больше всего их интересовал твой член. И то и другое их разочаровало настолько, что теперь встал вопрос о целесообразности вашего дальнейшего здесь пребывания, имея в виду этот парк. Сколько было вчера народа вокруг вас и сколько сегодня? Завтра будет еще меньше. Теперь они смотрят на вас не как на инопланетян, у которых можно чему-то поучиться, а как на уродов.

– И куда же вы намерены нас определить?

– Это зависит от твоего согласия сотрудничать с нами в поимке Язо. Поможешь – вернем на Землю. Откажешься – отнимем ребенка и будем проводить над ним опыт по превращению его в аморитянина. А вас отдадим в руки эскулапов в медицинских целях. Ваши скелеты будут показывать студентам.

– Вопреки бытующему на Земле мнению ваша цивилизация недалеко ушла от варварской.

– Вам до нашей цивилизации, как до Аморита.

– Очень жаль, если человечество докатится до вашего прогресса. К счастью, у нашего капитализма имеются серьезные идеологические соперники. У вас они тоже обязательно появятся, если вы не хотите превратиться в навоз. Не у всех лишь одна ебля на уме и длинные елды. В жизни есть иные ценности повыше их.

– У нас тоже регулярно появлялись разные идеологи.

Но эта самая ебля, к которой ты относишься с таким презрением, победила всё и вся. Во все времена у всех гуманоидов в конечном счете побеждали сладостные низменные инстинкты. Твоя страна, кстати, является ярким тому подтверждением. В России сейчас нравственно – моральные ценности социализма заменены безнравственностью и насилием. Разве не так?

– Это временное явление. Русский народ переживал и не такие напасти, преодолел и эту.

– Не уверен. Мы всегда с особым интересом следили за судьбой России. Нам было интересно, сколько она продержится в своей духовной и нравственной чистоте. Если бы не советский период, то ее падение произошло бы на семьдесят лет раньше. Сейчас у вас уже все построено на сексе. В чем суть вашего капитализма? В стремлении иметь как можно больше денег и власти, а с ними, в конечном счете, красивых женщин. Все, как у нас. Возьми любого вашего олигарха или просто миллиардера. Сами уроды, а жены у всех у них либо модели, либо кинозвезды, на которых они променяли своих старых жен. Пока в среде вашей правящей верхушки и другой элиты властвуют главным образом деньги, которые являются критерием неравенства и превосходства над другими. Когда деньги будут у большинства из них, тогда и у них, появится культ длинной елды, о чем ты также упомянул с иронией. Ничем другим, когда все приблизительно равны, женщину ты не завоюешь. У вас уже сейчас

члены удлиняют на десять сантиметров. Я сам видел рекламу. У нас когда-то начинали с пяти сантиметров, а сейчас запросто увеличивают в три и четыре раза. Лишь бы были деньги. За них все можно сделать. – Ябо изобразил пальцами мани-мани. – Но даже если твоя Россия и выкарабкается из сегодняшней нравственной катастрофы, в чем ты уверен, это будет уже не та Россия, а жалкая подражательница земной законодательнице безнравственности на Земле – Америке. В ней уже не осталось ничего русского, а без этого она не та Россия, являвшаяся когда-то примером для других не только на Земле, но и во всей вселенной.

– Рано ты ее хоронишь. Россия себя еще покажет. Во всяком случае, Аморитом она никогда не станет, пока основа в ней останется русской. А не русская Россия меня не интересует, пусть исчезает.

Ябо прервал меня сердито:

– Хватит трепаться! Что ты решил?

Я опять взвинтился.

– Что я могу решить? Отдать вам на растерзание ребенка? Для нас ребенок – святое, не то, что для вас – нелюдей.

– Язо с вами уже связывался?

– Еще нет. Да и как он свяжется, когда все здесь утыкано видеокамерами?

– Они для него не помеха. Договариваемся так. Как только он с вами вступит в контакт, внимательно его выслушайте и выразите с ним полное согласие. Он наверняка будет

уверять, что вернет вас на Землю. Можете поинтересоваться, на чем он собирается это сделать. Интересно, что он ответит. Потом ты мне расскажешь, что он ответил и о чем вы договорились.

Держи карман шире, подумал я, а вслух проговорил:

– Нет вопроса. Все сделаю, как ты велишь.

– Значит, договорились. А что значит «Держи карман шире»? То же самое, что держать ушки на макушке?

– Приблизительно, а точнее «У меня всегда есть для тебя подарок, поэтому держи карман шире».

– Буду знать эту вашу поговорку. Я ее у вас ни разу не слышал и не читал. Рад, что мы договорились.

– Потом сразу на Землю? Верно?

– Нет вопроса. Держи карман шире.

Сразу после обеда, на который нам выделялось полчаса, прибежала запыхавшаяся Юно и затараторила, нет, запела. Ее нежный голосок можно было сравнить разве что с пением соловья или со звуком свирели.

– Не верьте Ябо. Он вас шантажирует дедушкой. Дедушка против того, чтобы отнимать у вас сына и вообще делать вам плохое. Оказывается, он видел вас вчера по телевизору. Ему понравилось, как вы нежно ласкали друг друга. Когда я рассказала ему, что видела вас живыми в клетке и как вы сидели, прижавшись друг к другу, он сказал, что и нам надо больше чувств. Я ему рассказала, что вы очень хотите улететь об-

ратно на Землю. Он не возражает, но боится, что вы можете сюда вернуться и нас уничтожить, как утверждает Ябо.

– О чем они еще говорили

– С Ябо дедушка не говорил. У него был разговор с одним из бывших помощников Язо. Его зовут Яро.

– Передай дедушке, что он очень высокого мнения о наших космических возможностях. Мы вообще можем никогда не открыть Аморит, если я даже расскажу, что был на планете, где все ходят голыми и кроме секса ничем не занимаются. А где она находится, я не имею представления. Ни я, ни Нина в астрономии, как говорится ни бум-бум. Вот и будут наши астронавты искать планету с голыми гуманоидами. Смешно. Если даже они случайно и откроют именно Аморит, то нам потребуется несколько наших десятков лет, а, по-вашему не меньше века, чтобы прилететь сюда на одном единственном вселеннолете в составе самое большое пяти космонавтов. Да вы их сразу схватите и посадите в клетку, как нас, и они, как и мы, будут лишь мечтать поскорее вырваться отсюда на Землю. Так что успокой своего дедушку. Мы с Ниной забудем Аморит, как страшный сон, и никому о нем не расскажем. А про тебя, если ты с нами полетишь, что-нибудь придумаем, тем более что ты не сильно отличаешься от нас, людей. Очарованные твоей красотой, там поверят каждому твоему слову.

Юно зарделась и спросила, обнажив идеально ровные чуть розоватые зубки:

– Вы думаете, я способна повторить дедушке, что вы мне сейчас сказали? Вы очень высокого обо мне мнения. Вы лучше сами ему об этом скажите. Он хочет вас видеть у себя.

– Мы можем поехать прямо сейчас?

– Не прямо сейчас, а вечером. Дедушка себя плохо чувствует. Ему уже почти семьсот лет

Нина уточнила:

– По-нашему это чуть больше двухсот лет.

– Все равно не плохо. Он еще соображает? – спросил я Юно.

– Мне кажется, да. Разве что говорит уже плохо.

– Как же он руководит?

– У него много помощников.

– Ябо входит в их число?

– По-моему, нет. Он был помощником Язо.

– А Язо кем работал у дедушки?

– Я не знаю, но дедушка его очень любил.

– Язо был советником Президента по связям с другими планетами, – пояснила Нина. – С Президентом у него действительно были хорошие отношения. Как он мне рассказывал, Президент не возражал против его идеи начать новую жизнь. И разрешил ему летать на Землю.

– Один раз, когда Язо уже уволился, – вспомнила Юно, – дедушка сказал мне, что когда я подрасту, я тоже смогу присоединиться к Язо и найти там свое счастье.

– Тогда почему в таком случае он велел уничтожить Язо?

– Это не дедушка велел, – возразила Юно. – Он болел, когда Ябо прибежал с острова и рассказал тете, что Язо хочет захватить на Аморите власть и заставить всех работать и иметь семью. Как было у вас. Я забыла, как ваша страна тогда называлась. Но больше всех все были напуганы тем, что их заставят укорачивать елды и уменьшать лоханки. Больше всех испугалась тетя.

Нина опять вмешалась: Тетя, о которой говорит Юно, – младшая дочь Президента. Аморитом фактически правит она. Её зовут Юдо. Она знаменита тем, что у нее самая большая лоханка на Аморите. А мать Юно была старшей дочерью Президента. Она погибла в авиакатастрофе.

– Не погибла, а ее убила тетя, – поправила Юно.

– Язо тоже был в этом уверен. С матерью Юно у него были очень хорошие отношения, а с Юдо, можно сказать, враждебные.

– Расскажи, что было дальше, когда прибежал с острова Ябо и напугал всех, – попросил я Юно.

– Тетя созвала Сенат, который постановил уничтожить Язо и его людей. Когда это решение довели до дедушки, он хотел вначале поговорить с Язо, но ему сказали, что тот не хочет с ним говорить. Дедушка не поверил и направил на остров аморитянина. Но ему сказали, что Язо убил его, и поэтому всех на острове убили. Дедушка даже обрадовался, когда узнал, что Язо остался живой. Он до сих пор не верит, что тот хотел отнять у него власть, и все еще надеется

с ним встретиться.

Что-то мне подспудно подсказало, что Юно говорила о Язо с особой симпатией. Я спросил у нее:

– Ты была лично знакома с Язо?

– Была, – еле слышно ответила она, потупив глаза.

– Он тебе нравился?

Вместо ответа она опустила ресницы.

– Дедушка об этом знает?

– Нет.

– Ну и зря. Может, все было бы сейчас по-другому.

– Насколько я знаю, – вмешалась Нина, – Язо не считал таких, как ты, не соответствующими стандартам женской красоты.

– Он мне это говорил, но я ему не поверила, потому что он был такой взрослый и красивый, а я такая маленькая и страшная.

– Страшная? – вырвалось у меня. – Нина у меня тоже страшная?

Юно внимательно посмотрела на Нину и ответила неуверенно:

– Мне кажется, не очень. А все женщины говорят, что очень.

– Все они дуры, и ты им следуешь. Нина красивее их всех, потому что у нее природная красота. А у ваших элитянок она искусственная, кукольная. И у тебя красота естественная, и любые изменения ее лишь испортят.

– Это же самое мне говорил и Язо. А еще он говорил, что мне совсем не нужно углублять мою вагину до размера лоханки, как у всех. А когда я увидела вчера вас по телевизору, мне показалось, что для вас она не была бы слишком маленькой. Вы не согласитесь проверить это?

– В каком смысле? – опешил я.

Юно поняла, что сказала что-то не то, и смутилась.

– В таком, – пояснила, улыбнувшись, Нина.

Я окинул мужским взглядом Юно. По росту она была на уровне нашего третьего, максимум пятого класса, однако на фоне таких же низкорослых голых сисястых аморитянок вовсе не казалась ребенком. Раздев мысленно и ее, я почувствовал жжение внизу и подумал, что для пользы дела, пожалуй, мог бы пойти ей навстречу. Но, скосив глаза на Нину, развел руками:

– К сожалению, Юно, я женат. Вот полетишь с нами на Землю, и там у тебя не будет от женихов отбоя. А вообще-то, сколько тебе лет?

– Сорок один.

Я присвистнул

– Да, ты действительно, как говорят у нас, давно засиделась в девках.

– По-нашему, ей еще нет четырнадцати, – возразила Нина. – Но по здешним понятиям она и в самом деле старая дева, потому что девушки у них начинают трахаться с восьми – десяти лет. Ребята в этом деле опаздывают года на два.

Очевидно, раньше у них просто еще не стоит.

– Вот и пусть попробует с ними.

– С ними я не хочу, – тут же возразила Юно. – С ними не интересно. Я хочу, как вы вчера. Чтобы меня также целовали и ласкали.

– Полетишь с нами на Землю, и там мы найдем тебе ласкателя в тысячу раз лучше, чем я, – сказал я Юно. – Молодого красивого и холостого. Ты только помоги нам вырваться отсюда. Скажи дедушке, что Яро хочет отнять у нас ребенка, а нас разъединить. Уговори его поскорее нас принять.

Судя по тому, как, пообещав выполнить мою просьбу, заторопилась Юно домой, я сделал вывод, что чесалось у нее между ног не по-детски. Я едва успел обсудить это с Ниной, как примчался сердитый Ябо.

– О чем вы с ней говорили?

– О тебе, – ответил я. – Она сказала, чтобы я не верил ни одному твоему слову. Сказала, что президент против того, чтобы ты отнимал у нас ребенка и нехорошо поступал с нами.

Ябо выругался:

– Сучка. Чтобы ты умерла целкой. – А мне сказал с усмешкой. – Кто этого старого пердуна послушает? Попробуй только утаить от меня контакт с Язо, пожалеешь, что родился. О себе не хочешь думать, подумай о них.

Указав на Нину с Алешкой, Ябо ушел, не дождавшись от меня ответа.

Да и что я мог ему сказать?

Неожиданно появился директор парка.

– Как устроились? – спросил он, глядя по голове Алешку. – Никто больше не тревожит?

– За это вам огромное спасибо. Теперь, когда интерес к нам пропал, надо нас возвращать домой, верно?

– К вам пропал интерес по причине, никак не связанной с тем, ради чего вас сюда привезли.

– Я имел в виду и то и другое. Насколько я знаю, затея Язо по улучшению аморитян землянами признана антиконституционной и уже не актуальна. Верно?

Директор покачал лысой головой.

– Мечта любого народа о лучшей жизни всегда будет актуальна. Только что считать лучшей жизнью. У разных слоев общества она разная. А конституции, как правило, делаются либо под определенного правителя, либо на потребу тех, кто фактически правит властью. Не знаю, как у вас, а у нас конституция менялась много раз, только дважды при нынешнем Президенте, в начале его правления и не так давно, когда он постарел, и власть полностью перешла к элите. Она быстро подделала конституцию под себя, чтобы та не мешала ей окончательно разложиться. В этом ты частично уже успел убедиться, видя, что творится в парке. А телевизор успел посмотреть?

– Только новости о моем прилете и о том, какие мы дикари в постели.

Директор растянул в улыбке губы, не обнажив зубы.

– Вы на них не обижайтесь. Они помешаны на совокуплении. Могу провести тебя по парку, и ты убедишься в этом. А Нину с ребенком мы отпустим в дом. Ей незачем все видеть.

Возможность уйти домой Нину очень обрадовала. Она тут же подхватила Алешку и исчезла. Директор что-то прогудел одному из наших охранников. Тот передал второму и, оставив его у клетки, отправился с нами, держась на расстоянии. Директор обернулся на него и прошептал:

– Запоминай дорогу. Я покажу тебе возможные пути выхода отсюда. И не делай удивленное лицо, чтобы охранник не заподозрил. Он может работать на Ябо.

– А вы на кого работаете?

– На Аморит. На свой, а не на этот.

Я хотел поинтересоваться у него, знает ли он Язо, но вопрос застрял у меня в глотке. В метре от себя я увидел трахавшуюся пару. Он полулежал в кресле, а она сидела на стуле над ним. Стул ходил вверх-вниз, периодически вращаясь с разной скоростью. Сначала мне показалось, что стул держался лишь на одном члене, но потом я разглядел едва заметные прозрачные стойки.

А что, неплохая машина для инвалидов, толстяков и лодырей, подумал я и опять разинул рот, оставившись на про-

плывавшие мимо женские зады. Я проследил за ними. Плыли они по воздуху на метровой высоте по кругу. Что-то подсказало мне, что хозяйки задов не просто катались, и я пошел рядом с одним из них. Совсем скоро я едва не наткнулся на стоявшего на невысокой тумбе элитянина, на елду которого напоздали по очереди зады. Вдруг скорость конвейера увеличилась, тумба отбросила элитянина назад, и на нее тотчас взобрался другой элитянин, сходу приступивший к случке.

– Это у нас такой вид спорта, – сказал с усмешкой директор. Он посмотрел на мелькавшие на тумбе иероглифы. – Только что отсовокуплявшийся парень не дотянул до половины мирового рекорда, составлявшего две тысячи сто двадцать заходов.

Я попытался подсчитать, сколько на это рекордсмену потребовалось времени приблизительно с секундной периодичностью, но директор повел меня дальше, продолжая шептать:

– Сейчас мы будем проходить мимо забора, перелезть через который для тебя не будет проблемой. Видишь забор справа? Но это только один из выходов, запасной.

Забор был с меня высотой, и перелезть через него для меня не было проблемой.

Кресла с подвешенными стульями стояли повсюду. Свободных было мало. На минуту мы задержались у встречных качелей. Одна качелина напоминала акушерский стул, а дру-

гая мало чем отличалась от наших стоячих качелей. Процесс попадания елды в лоханку контролировался автоматикой, которая останавливала качели в самый последний момент при нарушении траектории. Наверное, чтобы не врезался не туда. За минуту, что мы стояли, лишь одной паре удалось спариться.

Стоило сюда лететь, чтобы увидеть этот прогресс, подумал я с усмешкой. Директор тотчас отозвался:

– Ты прав. Прогресса в этом мало.

А у меня в голове вдруг подсчиталось время, потраченное рекордсменом на две тысячи сто двадцать заходов, – менее тридцати пяти минут. Всего-то! Для меня час – не проблема, и не с секундным интервалом. У нас есть гиганты, которые могут не слезать по несколько часов. А я -то думал. Потеряв интерес к этой теме, я спросил:

– Вы Язо знаете?

– Он был моим лучшим учеником, – оживился директор. – Когда-то я был известным педагогом. Преподавал в университете. Сейчас эта профессия за ненадобностью исчезает. Никто не хочет грызть гранит науки. Для совокупления она не нужна. Я имею в виду настоящую фундаментальную науку, а не наводнивших страну всякого рода знахарей и магов по совершенствованию случки. Это слово, пожалуй, точнее, чем совокупление, отражает то, чем озабочена страна.

– А чему учили вы?

– Совершенствованию общества, в первую очередь, духовно – нравственного облика аморитян. Это я надоумил Язо слетать к вам за опытом нормальной жизни.

– Не могли выбрать другую населенную планету?

– Земляне еще раньше были выбраны нами в качестве идеала при формировании нашего внешнего облика.

– Это я знаю от Нины, а она – от Язо. Только мне кажется, в совершенствовании себя вы перегнули палку.

– Это не мы. Это наши свобододолюбы, проповедующие вседозволенность. К сожалению, низменные инстинкты всегда доминировали над нравственными. На это свобододолюбы и сделали основную ставку, взяв за основу культ случки. Раньше ведь у нас большим грехом считались супружеская измена и развратное поведение. Как сейчас у вас в России.

Я рассмеялся.

– У нас это тоже уже в прошлом. Сейчас у нас в разгаре сексуальная революция. Ее к нам, как чуму, занесли либералы.

– Также любители свободы? Насколько я знаю, слово либер ассоциируется у вас со свободой.

– Это не у нас. В русском языке такого слова нет. Есть пришлое слово либерал, действительно проповедник вседозволенности, и произошло оно от древнего культового божка Либера, считавшегося покровителем плодородия и семени животных. Его культом был мужской член. Религиозные празднования в честь этого божка были настолько разнуз-

данными, что его имя стало синонимом вседозволенности, а позднее – политического течения либерализма. В основу его была взята свобода личности от государства или та же, что и у вас, вседозволенность: «Что хочу, то и делаю, никто мне не указ. Хочу ходить с голым задом, и буду ходить, потому что никому до этого нет дела». Так что вы тоже можете называть своих свободолюбивых либералами.

Директор закивал опущенной лысой головой.

– Во-во, и у вас почти все, как у нас. У нас они начинали с демонстраций «Долой стыд!», требуя разрешения ходить с голыми сиськами, а, добившись, перешли и на голые письки. Потом стали оголяться и мужики. А потом в открытую стали заниматься случкой.

– У нас, правда, пока абсолютно голыми ходят лишь на пляже и на театральной сцене, но на публике оголяются до предела. А порнография в кино, в печати и, особенно, в Интернете процветает во всю.

Директор поднял голову и покачал ею с сожалением на морщинистом лице.

– Плохо, если Земля докатится до того, что и мы. Не могу поверить, что и в России то же самое происходит. Первый раз я там был в тридцатые годы в самый разгар вашей индустриализации. Меня поразили моральный дух советских людей. С каким вдохновением они работали! И все поголовно учились. Даже старики. И вдруг то, о чем ты говоришь. Не могу поверить. Не понятно, как это увязывается с вашим

социализмом и строительством коммунизма. Мне очень импонировал моральный кодекс их строителей. Я посоветовал Язо взять его за основу их будущего кодекса.

От удивления я заржал, как лошадь, забыв про предупреждение Яро. Шедшие впереди аморитяне дружно упали, закрыв головы руками, а те, которые были подальше, бросились врассыпную.

Директор загородил меня собой от нашего охранника, направившего на меня автомат из положения лежа. Со стороны главного хода к нам мчались еще два охранника. Наш охранник поднялся и побежал им навстречу, размахивая руками. Директор потянул меня за руку.

– Пойдем домой от греха подальше. Неровен час, убьют тебя. Я тебе потом покажу выходы. Чем развлекается наша доблестная элита, надеюсь, ты ухватил.

Мы поспешили к клетке и рядом с ней присели на одно из приспособлений для совокупления. Я пояснил директору, почему я заржал. Ни о каком моральном кодексе после развала СССР в России нет и речи. Разве что об аморальном. Сейчас у нас один кодекс – кодекс наживы любым путем и секса.

Об исчезновении Советского Союза директор не знал. Второй раз он там был в конце семидесятых годов. Его опять поразил размах строительства жилья. Как и в тридцатые годы, оно раздавалось гражданам бесплатно и за необремени-

тельную плату с длительной беспроцентной рассрочкой. По-прежнему строились заводы, фабрики. О безработице не было и речи. Директору очень понравилась спокойная дружжелюбная обстановка в стране и уверенность советских людей в завтрашнем дне. Он видел очереди за драгоценностями, книгами, в театры, музеи. Он был уверен, что жизнь там сейчас еще лучше. Об исчезновении СССР Язо почему-то ему не рассказал да и летал он совсем за другим. А, может, не хотел расстраивать старика. После долгого тяжкого молчания директор заговорил:

– Но это ничего в принципе не меняет. Я изучил общественные отношения на всех известных мне планетах, заселенных разумными существами. Я убежден, что идеи социализма являются самыми совершенными, если исходить из интересов простого народа. Ничего лучше социально ориентированного во вселенной пока еще не придумано. Смысл социализма, как я понимаю, состоит в том, что все природные богатства страны идут на благо всего народа, а не кучки ловкачей. Это является основой социальной справедливости в любом обществе и исключает существенное социальное неравенство. Незначительное может и должно быть. Уборщица не должна получать наравне с великим ученым. Но в правах они должны быть равными. Он больше получает, а в депутаты могут избрать не его, а ее. На двух планетах социализм уже строят. Но и там это дело продвигается туго из-за упорного сопротивления сторонников стяжатель-

ства и безнравственности. В основу своей борьбы с социалистическими идеями они, как и у нас, да и у вас наверняка тоже, взяли внедрение в сознание народа разврата под видом секса, пошлость, хамство, насилие, садизм, неуважение к старшим, предательство интересов народа и страны – все то, что называется низменными чувствами и безнравственностью. Уверен, что Земля к социализму тоже обязательно вернется. Учет просчеты и ошибки Советского Союза, из-за чего он погиб. И у нас на Аморите социализм в той или иной форме тоже будет. Когда-то его идеи в определенной степени уже лежали в основе общественного строя на нашей планете. Не знаю, говорил Язо Нине или нет, что до нашей цивилизации на Аморите была еще одна древняя цивилизация, до которой нам вряд ли когда удастся дотянуться. В ней существовал общинный строй, в основе которого были коллективизм и социальное равенство. Поэтому у них и был такой расцвет. Но в самом его пике в Аморит врезался астероид, который все уничтожил. Из тысячи трехсот островов сохранились лишь два десятка наиболее крупных и то не целые, а частично. И появились восемь новых, кстати необыкновенно богатых полезными ископаемыми. Но самое удивительное, чудом остались живы несколько тысяч аморитян. Они-то и стали нашими прародителями. Они еще помнили то общество и его достижения в науке и технике. У них по-прежнему долгое время продолжал существовать общинный строй, при котором несметные природные богатства Амори-

та принадлежали всем без исключения гражданам, а не одной элите, как сейчас. Тогда на восстановление Аморита работали все поголовно. Кто, как мог, но все. Был культ многодетной семьи. Жены соревновались, какая из них больше родит детей. Одна рекордсменка родила двадцать два ребенка. Но настоящими героями почему-то считались не матери, а отцы, отчего насаждался культ не женского начала, а мужской способности заделывать как можно больше детей, что вылилось впоследствии в культ мужского полового члена. Видишь, почти, как у вас на Земле. Только у вас этот культ увязывался с каким-то божком, а у нас напрямую с членом. У нас до сих пор можно встретить старые памятники ему. Этот, казалось бы, вполне здравый культ размножения наши сторонники свободы и вседозволенности со временем превратили в культ безнравственности и разврата. – Директор о чем-то задумался, разводя и сводя руки. – И вот еще что. В отличие от вашего либерализма, у нас никогда не было политического движения. А если было бы, то наверняка называлось бы елдоизмом. – Директор грустно улыбнулся и опять задумался. – Знаешь, почему у нас не возникло никакого политического движение? Потому, что нашей элите не с кем было бороться. Она всех одурачила словоблудием о свободе и демократии. Попробуй, возрази против этого. Первым попытался что-то изменить Язо, и вот что из этого вышло. В борьбе за своё элита ни перед чем не останавливается, опять же ссылаясь на свободу и демократию. Я уж

Язо говорил, что и нам не надо стесняться, и неплохо бы тоже занять свой спецназ. Как говорится, с волками жить по-волчьи выть. Словами элиту не проймешь. А сама гнить она еще долго будет. И будет продолжать растлевать народ. Надо ускорить ее конец. И после, главное, не дать ей опять начать одурманивать народ стяжательством и низменными чувствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.